

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Василий Теркин
Стихотворения. Поэмы

Александр Трифонович Твардовский Василий Теркин. Стихотворения. Поэмы

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949725

Твардовский А. Т. Василий Теркин; Стихотворения; Поэмы :

Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56784-3

Аннотация

«Какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный солдатский язык – ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого слова!» – писал И. А. Бунин о поэме «Василий Теркин» Александра Твардовского – выдающегося русского поэта с драматической судьбой. Поэма «Василий Теркин» стала одной из вершин творчества поэта, в которой во всей полноте ожила народная душа. В книгу также включены поэмы «Страна Муравия» («высокую культуру стиха» уже в этой поэме отмечали Б. Пастернак и Н. Асеев), «Дом у дороги», «За далью – даль», «Теркин на том свете», «По праву памяти» (опубликована только в 1987-м), в которой описана трагическая судьба отца Твардовского – раскулаченного и сосланного крестьянина-

кузнеца; пейзажная лирика, военные стихотворения и стихотворения последних лет, рассказы и очерки.

Содержание

Строка Твардовского	9
Стихотворения	35
Родная картина	35
Яблоки	36
Снег стает, отойдет земля	39
Разлив Днепра	40
Лес осенью	41
Рожь отволновалась	42
Усадьба	43
Тревожно-грустное ржанье коня	45
Утро	46
Смоленщина	47
Ледоход	50
Шумит, пробираясь кустами	52
Столбы, селенья, перекрестки	54
Дождь надвигается внезапный	55
Не стареет твоя красота	57
Дорога	59
Перед дождем	62
Ивушка	64
Сельское утро	68
Звезды, звезды, как мне быть	69
Друзьям	70

Рожь, рожь... Дорога полевая	73
Братья	74
Песня	76
Как Данила помирал	78
Матери	82
Не дым домашний над поселком	83
Ноябрь	84
Две строчки	85
Я убит подо Ржевом	86
В тот день, когда окончилась война	94
О прописке	99
Перед дорогой	101
Мне памятно, как умирал мой дед	103
Ни ночи нету мне, ни дня	105
Снега потемнеют синие	107
Час рассветный подъема	109
Не много надобно труда	111
Вся суть в одном-единственном завете	113
Космонавту	114
Все сроки кратки в этом мире	116
А ты самих послушай хлеборобов	117
Памяти матери	119
Прощаемся мы с матерями	119
В краю, куда их вывезли гуртом	120
Как не спеша садовники орудуют	121
– Ты откуда эту песню	122

В самый угол шалаша	125
День прошел, и в неполном покое	126
Июль – макушка лета	126
Просыпаюсь по-летнему	127
Есть имена и есть такие даты	128
Листва отпылала	128
Я знаю, никакой моей вины	129
Стой, говорю: всему помеха	130
Береза	132
Такою отмечен я долей бедовой	135
Я сам дознаюсь, доищусь	137
На дне моей жизни	138
Допустим, ты свое уже оттопал	140
Время, скорое на расправу	141
К обидам горьким собственной персоны	142
В случае главной утопии	143
Всему свой ряд, и лад, и срок	144
Нет ничего, что раз и навсегда	145
Что нужно, чтобы жить с умом?	146
Ты дура, смерть: грозишься людям	148
О сущем	149
Поэмы	150
Страна Муравия	150
Глава 1	150
Глава 2	152
Глава 3	159

Глава 4	165
Глава 5	171
Глава 6	175
Глава 7	179
Глава 8	184
Глава 9	190
Глава 10	195
Глава 11	200
Глава 12	204
Глава 13	210
Глава 14	218
Глава 15	228
Глава 16	233
Глава 17	240
Глава 18	245
Глава 19	259
Василий Теркин	265
От автора	265
На привале	268
Перед боем	278
Переправа	287
О войне	297
Теркин ранен	300
О награде	313
Гармонь	317
Два солдата	327

Александр Твардовский Василий Теркин. Стихотворения. Поэмы

Строка Твардовского

Последнее воспоминание о нем: сидит, страшно исхудавший, возле большого дачного окна...

Незадолго до этого, в феврале 1970 года, многолетнее грубое давление всевозможных «руководящих инстанций» – ЦК КПСС, Главлита (а попросту сказать – цензуры), секретариата Союза писателей – вынудило Александра Твардовского покинуть журнал «Новый мир», главным редактором которого он был больше десяти лет и который за это время приобрел огромную популярность в нашей стране и даже за ее пределами.

В прошлом веке, испытав потерю такого же своего любимого детища – журнала «Отечественные записки», закрытого правительством, Салтыков-Щедрин горестно писал, что отныне «лишился употребления языка». Но то, что для великого сатирика было метафорой, гиперболой, для Твардовского стало реаль-

ностью. Лишившись журнала, не сумев опубликовать свою последнюю поэму «По праву памяти», он смертельно заболел и почти потерял речь.

Его окружали родные, навещали друзья, и все же на долгие часы он оставался наедине со смотрящей в окно поздней осенью, безлистыми деревьями, пожухлой травой, покуда в стекло не застучались, не зашкреблись первые метели. (И не звучали ли в памяти последней декабрьской ночью строки из трагической главы «Василия Теркина»: «Смерть склонилась к изголовью: – Ну, солдат, пойдем со мной»?)

Вся жизнь, наверное, проходила в те дни перед глазами Твардовского, и он мог сказать о себе словами своего любимого героя:

Я загнул такого крюку,
Я прошел такую даль,
И видал такую муку,
И такую знал печаль...

«Василий Теркин»

...Ах, каким простым все казалось подростку, росшему на Смоленщине, как он напишет позже: «в захоlustье, потрясенном всемирным чудом новых дней». Немало обязанный отцу, сельскому кузнецу, первыми задатками любви к книге, к чтению, он, став комсомольцем, теперь судил об «отсталых» взглядах Три-

фона Гордеевича со всей страстью и категоричностью юности.

Среди стихов «поэта-селькора», как именовали своего юного сотрудника смоленские газеты, были и такие, как «Отцу-богатею», а в одной из его первых поэм «отрицательным» персонажем был... кузнец Гордеич!

Много лет пройдет, прежде чем отцовская судьба предстанет перед Твардовским во всей сложности. Долгие годы он вынашивал замысел романа об отце, который, к сожалению, так и не удалось осуществить. Он и название придумал – «Пан». Так прозвали Трифона Гордеевича земляки за то, что тот всячески, весьма наивно и недальновидно подчеркивал свою особость, независимость, отличный от обычного деревенского склад жизни.

Но уже в поэме «За далью – даль» будут запечатлены и реальная картина «скудного вырубкою» трудового дня мифического «богатея», и беглые портреты его бедных «клиентов». А в очерке «Заметки с Ангары», рассказывая о повстречавшемся выходце со Смоленщины, Твардовский писал, что, глядя на него, «невольно вспомнил затылок покойного отца, такой знакомый до последней морщинки и черточки...». При всем лаконизме этого упоминания за ним ощутимо сильное душевное движение, всколыхнувшаяся па-

мать о человеке, с которым в юности шла такая непримиримая война.

На первых жизненных верстах отцовский образ сделался воплощением того обихода и уклада, от которых начинающий поэт стремился оттолкнуться, как отталкиваются от берега, отправляясь в плавание. Этот конфликт завершился уходом юноши из дома и началом самостоятельного существования как газетчика и литератора.

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать,
Не трусить,
Верным быть народу,
Любить родную землю-мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду,
А если —
То и жизнь отдать.

Так вспоминал Твардовский в своей последней поэме давнее умонастроение – свое и друзей-ровесников. И, умудренный всем пережитым, прибавлял:

Что проще!
В целости оставим
Таким завет начальных дней.
Лишь от себя теперь добавим:

Что проще – да.
Но что сложней?

«Сложность» дала себя знать немедленно. В пору начавшейся коллективизации в числе миллионов других несправедливо пострадала и «панская» семья, высланная на Север. Почти тридцать лет спустя, в 1957 году, набрасывая план пьесы о раскулачивании, Твардовский припомнил слова, сказанные ему в ту давнюю пору секретарем Смоленского обкома партии: «Бывают такие времена, когда нужно выбирать между папой-мамой и революцией». В тех же набросках запечатлена и дилемма, вставшая перед «младшим братом», в котором угадывается сам автор: «Он должен порвать с семьей, отказаться от нее, проклясть ее – тогда, может быть, он еще останется «на этом берегу», а нет – хочешь не хочешь – будешь «врагом», кулаком, которому никогда и ничем не отмолить себе прощенья у советской власти».

Происшедшее оставило в душе поэта тяжелейшую, незаживающую рану и в то же время положило начало долгому, мучительному, противоречивому отрезвлению от прежних наивных иллюзий. И уже совсем по-иному вспоминалась жизнь на отцовском хуторе в стихотворении «Братья», завершавшемся пронзительными строками:

Что ж ты, брат?
Как ты, брат?
Где ж ты, брат?
На каком Беломорском канале?..

Заметно отличалась по тону от тогдашней литературы с ее упрощенным и приукрашенным изображением коллективизации и поэма Твардовского «Страна Муравия». В описании скитаний Никиты Моргунка, который «бросил... семью и дом», не желая вступать в колхоз (как поступил и отец поэта), в его тревожных раздумьях и многочисленных дорожных встречах слышны явственные отголоски трагических событий тех лет. Выразительна, например, услышанная Моргунком сказка про деда и бабу, которые «жили век в своей избе», покуда «небывало высокая» вешняя вода не «подняла... избышку» и, «как кораблик, понесла» совсем на новое место: «Тут и стой». Сам автор впоследствии ценил драматизм этой поэмы, достигший особой силы в черновых вариантах:

Дома гниют, дворы гниют,
По трубам галки гнезда выют,
Зарос хозяйский след.
Кто сам сбежал, кого свезли,
Как говорят, на край земли,

Где и земли-то нет.

Тем не менее герой поэмы в конце концов отказывался от поисков легендарной страны «единоличного» крестьянского счастья, где «никакой, ни боже мой, – коммунии, колхозии», и смирялся с необходимостью вступить в артель. Многие стихотворения, вошедшие в сборники «Дорога», «Сельская хроника» и «Загорье», красноречиво свидетельствуют о том, как старательно искал Твардовский светлые стороны тогдашней деревенской жизни, исходя из сознания, что так нужно. Нужно «иметь мужество видеть положительное», – с горечью напишет он впоследствии.

По дороге, зеркально блестящей,
Мимо отчего еду крыльца...

Эти строки, задуманные как одическое восславление новой жизни, обернулись, однако, едкой и горькой оценкой происходившего тогда с самим поэтом. Еще недавно объявлявшийся в смоленской печати «кулацким подголоском» и даже «классовым врагом», он после «Страны Муравии», которую критики сочли прославлением коллективизации, оказался в фаворе у власти: был принят в партию, награжден орденом Ленина в числе известных писателей и даже получил Сталинскую премию.

Счастье, что «зеркально блестящая дорога» не ослепила Твардовского. Он понимал, что в расхваленных критиками произведениях «едет мимо» многого, что есть в реальной жизни. В конце тридцатых годов в письме к родичу, тоже взявшемуся за перо, Александр Трифонович не столько поучал адресата, сколько размышлял о своем: «...нужно выработать в себе прямо-таки отвращение к «легкости», «занятности», ко всему тому, что упрощает и «закругляет» сложнейшие явления жизни... будь смелей, исходи не из соображения о том, что будто бы требуется, а из своего самовнутреннего убеждения, что это, о чем пишешь, так, а не иначе, что это ты твердо знаешь, что ты так хочешь». А ставшему близким другом С. Я. Маршаку признавался: «...давно хочу писать иначе, но все еще не могу...»

Впрочем, «иначе» писать он все же пробовал – и в «Братьях», и в элегической предвоенной «Поездке в Загорье», и в полном затаенной боли стихотворении «Матери» (Мария Митрофановна вместе с семьей еще находилась в ссылке):

И первый шум листвы еще неполной,
И след зеленый по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,

И просто небо, голубое небо —
Мне всякий раз тебя напоминают.

Истинное же рождение Твардовского как великого русского поэта произошло в трагическую пору народной истории – в затяжную и кровавую зимнюю кампанию в Финляндии и Великую Отечественную войну. Он был фронтовым корреспондентом, испытал горечь страшных поражений и потерь, попадал в окружение, сталкивался с множеством людей – когда надолго, когда на краткий, но навсегда запомнившийся миг. Позже он сказал об этом в своей «Книге про бойца», ставшей поэмой «Василий Теркин»:

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.

Замечательна и парадоксальна судьба этой книги! Написанная в пору, когда для автора, как и для множества современников, Сталин был величайшим авторитетом, она понравилась вождю. Свидетельство тому – и новая Сталинская премия, присужденная по-

эту, и то, что, по воспоминаниям Хрущева, «Сталин с умилением смотрел на картину с Василием Теркиным» (написанную художником Решетниковым). Он видел в герое книги бравого, исполнительного солдата, безотказный «винтик» (по известному выражению вождя) армейского и даже государственного механизма.

Но вот что знаменательно. Первые же главы «Василия Теркина» появились в печати в трагические месяцы 1942 года почти одновременно со знаменитым сталинским приказом № 227 и фактически дерзко противоречили ему. Сталин клеймил солдат отступавшей армии, якобы «покрывших свои знамена позором», обвинял их в «позорном поведении» и даже в «преступлениях перед Родиной». Твардовский же болел душой и за своего главного героя – рядового «в просоленной гимнастерке», и за всех других «наших стриженных ребят», принявших в войну величайшие муки:

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.
Шел он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,

Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог?

Еще только задумывая книгу, Твардовский размышлял: «Начало может быть полулубочным. А там этот парень пойдет все сложнее и сложнее». Так оно и оказалось. Какой там «винтик»! Какой там недалекий весельчак и балагур, каким его порой аттестовали в критике! В Теркине зажила, заиграла всеми красками сама народная душа – ее ширь и размах, лиризм и ум, лукавство и чуткость к чужому горю.

У Салтыкова-Щедрина, кстати, одного из любимых писателей Твардовского, есть превосходные слова о том, как важно художнику, изображающему типы из «народной среды», разглядеть «нравственное изящество, которое они в себе заключают». Это нравственное изящество многообразно проявляется в Теркине. Оно и в органичности для него чувства патриотизма, в готовности к подвигу без фразы и позы («Не затем на смерть идешь, чтобы кто-нибудь увидел. Хорошо б. А нет – ну что ж...»). Оно и в той чуткости, которую проявляет он в истории с «осиротевшей» гармонью, и в готовности уступить свою славу однофамильцу, и в том, как рассказывает Теркин «про солдата-сироту», и в его разговоре-поединке со Смертью:

– Я не худший и не лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце ее, послушай,
Дашь ты на день отпуск мне?
Дашь ты мне в тот день последний,
В праздник славы мировой,
Услыхать салют победный,
Что раздастся над Москвой?
Дашь ты мне в тот день немножко
Погулять среди живых?
Дашь ты мне в одно окошко
Постучать в краях родных
И, как выйдут на крылечко, —
Смерть, а Смерть, еще мне там
Дашь сказать одно словечко?
Полсловечка?..

«Какая свобода, какая чудесная удаль, – писал, прочитав эту книгу, И. А. Бунин, – какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный солдатский язык – ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!»

Если уже в «Стране Муравии» такие взыскательные ценители, как Борис Пастернак и Николай Асеев, отмечали высокую культуру стиха, то в «Василии Теркине» мастерство поэта достигло расцвета. Твар-

довский испытал, по собственному выражению, «чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринужденной форме изложения».

Разнообразный по строфике, интонационно-гибкий стих поэмы замечательно соответствует ее содержанию, сохраняя живую естественность речи персонажей, их многоголосье, все богатство чувств и переживаний героя и самого автора:

Полдень раннего июня
Был в лесу, и каждый лист,
Полный, радостный и юный,
Был горяч, но свеж и чист.
Лист к листу, листом прикрытый,
В сборе лиственном густом
Пересчитанный, промытый
Первым за лето дождем.
И в глуши родной, ветвистой,
И в тиши дневной, лесной
Молодой, густой, смолистый,
Золотой держался зной.
И в спокойной чаще хвойной
У земли мешался он
С муравьиным духом винным
И пьянил, склоняя в сон.

Каждая строка здесь перекликается с другими. В

первой строфе одинаково звучат и начало строк (*полдень – полный*), и в известной мере середина (*ранне-го – радостный*). Во второй – тоже есть своя инструментовка. В заключение же возникает целый поток созвучий: *глуши – тиши, родной – дневной – лесной, молодой – густой – золотой, спокойной – хвойной, муравьиным – винным*.

В «Теркине» берут начало мотивы, предвещавшие следующую поэму Твардовского – о краткой побывке дома отступающего бойца, о солдате-сироте, нашедшем на месте родного села пепелище, о возвращающейся из полона «труженице-матери».

В начале поэмы «Дом у дороги» говорится, что эта тема, эта песня «жила, кипела, ныла» в душе автора всю войну – о судьбе крестьянской семьи, о великих людских муках и многоликости народного подвига, будь то стойкость мужа-солдата или самоотверженность жены и матери, сберегавшей детей в пучине лишений и бед.

Мысленный разговор Анны Сивцовой на чужбине с крохотным сыном принадлежит к самым проникновенным страницам, когда-либо написанным Твардовским, и смело может быть причислен к шедеврам мировой поэзии.

Мы так и не узнаем, дождется ли своей хозяйки дом, возведенный Андреем Сивцовым на месте пожари-

ща, наполнится ли он детскими голосами. Ведь конец у подобных историй был неодинаков! И эта томительная незавершенность судеб героев поэмы придавала ей особенный драматизм.

О том, что «счастье – не в забвенье» пережитой народом трагедии, говорит и лирика Твардовского военных и мирных лет – «Две строчки», «Я убит подо Ржевом», «В тот день, когда окончилась война», «Я знаю, никакой моей вины...». В стихотворении «Я убит подо Ржевом» строгая, напоминающая стиль похоронок военной поры обстоятельность рассказа о гибели солдата (в «пятой роте, на левом при жестоком налете») сменяется сильнейшим эмоциональным взрывом:

Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я – где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;
Я – где крик петушиный
На заре по росе;
Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе...

Повторяющаяся «запевка» («Я – где...»), внутреннее созвучия (*корни – корма; заре – росе*), звукопись («ваши машины... Шоссе» – как бы шорох шин) – все

это придает монологу убитого воина редкую выразительность, певучесть, и голос героя сливается с дыханием мира, где как бы рассеялся, растворился павший боец.

Напрасно власти старались приручить и заласкать Твардовского, ставшего после «Теркина» народным любимцем. Писать в прежнем духе о деревне, разоренной не только войной, но и новыми жестокими поборами, он больше не мог. Продолжать «Книгу про бойца», как требовали многие наивные читатели, придумать ее герою беспечное житье-бытье тоже совесть не позволяла, тем более что получал автор и совсем другие «подсказки»:

Поэт Твардовский, извините,
Не забывайте и задворки,
Хоть мимолетно посмотрите,
Где умирает Вася Теркин,
Который воевал, учился,
Заводы строил, сеял рожь.
В тюрьме, бедняга, истомился,
Погиб в которой ни за грош...
Прошу мне верить, я Вам верю.
Прощайте! Больше нету слов.
Я теркиных нутром измерил,
Я Теркин, хоть пишушь

Попов

Дожил ли автор этих трогательных и неумелых стихов до появления поэмы «Теркин на том свете», где Твардовский, по собственному выражению, хотел воплотить «суд народа над бюрократией и аппаратчиной»? Критика «того света», в котором без труда угадывалась вполне реальная партийно-государственная махина, временами достигала в этой книге, опубликованной лишь через десять лет после ее создания, чрезвычайной остроты. Так, узнав о загробном пайке («Обозначено в меню, а в натуре нету»), Теркин простодушно спрашивает: «Вроде, значит, трудодня?» Читатель же мог в свою очередь подумать и о других вещах, существовавших лишь на бумаге, например, о свободе слова, печати, собраний, «обозначенной» в тогдашней конституции.

В сущности, это уже был суд над сталинизмом, но он не сразу и нелегко давался Твардовскому, который еще недавно в одной из глав книги «За далью – даль» писал о смерти Сталина как о «большом нашем горе». И хотя позднее эта глава была автором кардинально переделана, следы известной непоследовательности, нерешительности в суждениях о пережитой эпохе ощутимы в этой книге, даже в таких сыгравших определенную роль в общественной жизни главах, как «Друг детства» (о встрече с безвинно осужденным при Сталине человеком) и «Так это было»,

непосредственно посвященной размышлениям о вожде.

Замечательны, однако, многие лирические фрагменты книги – о Волге, о родной Смоленщине, об отцовской кузнице и острый «литературный разговор», возникавший не только в одноименной главе. Отдельные места поэмы по искренности и силе соперничают с самыми лучшими стихотворениями поэта:

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу – света и тепла.
И сказок в трепетную память,
И песен матери родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.
...Чтоб жил и был всегда с народом,
Чтоб ведал все, что станет с ним,
Не обошла тридцатым годом.
И сорок первым.
И иным...

Из главы «С самим собой»

Последний этап жизни Твардовского тесно связан с его деятельностью как главного редактора журнала «Новый мир». Ныне нет недостатка в обвинениях тогдашней литературы, не щадят и «Новый мир», ко-

торый, дескать, был недостаточно смел и последователен в критике режима и не мог отрешиться от многих ошибочных представлений. Но тут вспоминаются слова Герцена об отношении молодого поколения к предшественникам, «выбивавшимся из сил, усиливаясь стащить с мели глубоко врѣзавшуюся в песок барку нашу»: «Оно их не знает, забыло, не любит, отрекается от них, как от людей менее практических, дельных, менее знавших, куда идут; оно на них сердится и огулом отбрасывает их, как отсталых... Мне ужасно хотелось бы спасти молодое поколение от исторической неблагодарности и даже от исторической ошибки».

Еще в сталинские времена Твардовский-редактор опубликовал в «Новом мире» острокритический очерк В. Овечкина «Районные будни», а в пору оттепели – повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Даже в «застойные» годы журнал продолжал печатать правдивые, говорившие о глубоком неблагополучии в нашей общественной жизни произведения Ф. Абрамова, В. Быкова, Б. Можяева, Ю. Трифонова, Ю. Домбровского и ряда других писателей. Недаром в зарубежной, а позже и в отечественной печати высказывалась справедливая мысль, что журнал превращался в неофициальную оппозицию существующему режиму. Думается, что в истории русской литерату-

ры и общественной мысли «Новый мир» Твардовского занимает не меньшее место, нежели «Современник» и «Отечественные записки».

Неотделима от этой деятельности Твардовского и его последняя поэма «По праву памяти», в которой он произвел окончательный расчет со сталинизмом, «добывая» его в собственной душе, покаянно пересматривая пережитое и восстанавливая историческую правду.

Опаляющим автобиографизмом дышит центральная глава поэмы – «Сын за отца не отвечает». Вынесенные в заглавие широко известные слова Сталина в пору их произнесения выглядели для многих, в том числе и для Твардовского, неожиданным счастьем, своеобразной амнистией (хотя не раз еще «кулацкое» происхождение ставилось «в строку» поэту – вплоть до самых последних лет жизни). Теперь же Твардовский беспощадно обнажает безнравственную суть этого лживого «афоризма» (лживого – ибо, как напоминается в поэме, «...звание *сын врага народа* еще при них вошло в права»): понуждение к разрыву естественных человеческих связей, оправдание отступничества от них, от всяких нравственных обязательств перед близкими. Горько и гневно пишет поэт о поощряемой «свыше» моральной вседозволенности:

Ясна задача, дело свято, —
С тем – к высшей цели – прямым.
Предай в пути родного брата
И друга лучшего тайком.
И душу чувствами людскими
Не отячай, себя щадя.
И лжесвидетельствуй во имя,
И зверствуй именем вождя.

Всей своей поэмой, в особенности заключительной главой «О памяти», Твардовский восставал против попыток скрыть, обелить, приукрасить трагический опыт минувших десятилетий – в «забвенье утопить живую боль»:

Но все, что было, не забыто,
Не шито-крыто на миру.
Одна неправда нам в убыток,
И только правда ко двору!

Не его вина, что не был он услышан и что строки поэмы: «Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу», – оказались пророчеством.

Как ни горьки и ни тяжелы были обстоятельства последних месяцев жизни Твардовского (уход из «Нового мира», запрет на публикацию поэмы «По праву памяти», новая опала на «Теркина на том свете», исключавшегося из сборников поэта и не упоминавшегося

в печати), он уходил из жизни с сознанием, что «честно... тянул свой воз».

Его поздняя лирика проникнута мыслью о долге художника быть верным правде, безбоязненно идти избранной дорогой – и «с тропы своей ни в чем не соступая, не отступая – быть самим собой».

Вся суть в одном-единственном завете:

То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых, – знаю только я.
Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить.

За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

Есть в этой лирике Твардовского победительная и, как доказало будущее время, вполне оправдавшаяся уверенность, что «все минется, а правда останется», уверенность, высказанная им однажды с почти мудрым лукавством, что «время, скорое на расправу... не в силах сладить с чем, подумаешь! – со стихком»:

Уж оно его так и этак
Норовит забвенью предать

И о том объявить в газетах
И по радио...

Глядь-поглядь,
За каким-то минучим сроком —
И у времени с языка
Вдруг срывается ненароком
Из того же стишка —
Строка.

«Одним Теркиным я не выговорюсь», – писал Твардовский в годы войны. Однако не «выговорился» он, по собственному ощущению, даже всей своей поэзией. «За этими ямбами и хорями, – сказано в статье «Как был написан «Василий Теркин» (1951), – оставалась где-то втуне, существовала только для меня – и своеобразная живая манера речи кузнеца Пулькина (из одноименного стихотворения. – А. Турков) или летчика Трусова, и шутки, и повадки, и ухватки других героев в натуре».

Александр Трифонович не раз шутливо уверял, что он, в сущности, прозаик, и с ранних лет пробовал себя в очерках.

И вот так же, как было с «Теркиным», стремление передать то, что «оставалось втуне», показать все «варево» жизни, породило и в его прозе «книгу без начала, без конца», без особого сюжета, впрочем, прав-

де не во вред – «Родина и чужбина».

Она состоит не только из вполне оконченных очерков и рассказов, но и из часто небольших, но весьма примечательных записей «тоже, как сказано в «Книге про бойца», «заносил в свою тетрадку строки, жившие вразброс»!

Мало того, что здесь порой возникали «зерна» сюжетных линий: «Теркина» и «Дома у дороги» (сравните, к примеру, историю новой худолеевской избы в очерке «В родных местах» с главой о возвращении Андрея Синцова домой). Проза поэта драгоценна сама по себе.

Почти в каждой из самых немногословных записей проявились свойственные автору глубина и обостренность восприятия жизни в любых ее проявлениях. Порой какое-нибудь лицо выхвачено, высвечено буквально на миг, и такое лицо, что уже не забудешь.

В бою за деревню на родной поэту Смоленщине «с десяток наших бойцов отбивали контратаки, уже многие ранены... бабы и дети в голос ревут, прощаясь с жизнью». И вот «молоденький лейтенант, весь в поту, в саже и в крови, без пилотки, то и дело повторял с предупредительностью человека, который отвечает за наведение порядка: – Минуточку, мамаша, сейчас освободим, одну минуточку...»

У партизанки по прозвищу Костя «на счету» шесть

взорванных вражеских эшелонов, а в награду за подвиги... поцелуй неизвестного командиршей, усталой и сонной (сладостно томящее девушку воспоминание...).

Освобожденные из немецкой неволи и возвращающиеся домой люди, по горестным словам автора, бредут к обгорелый трубам, к пепелищам, к незажитому горю, которого многие из них еще целиком и не представляют себе, какое оно там ждет их». И как это снова близко и к главе «Про солдата-сироту, и к «Дому у дороги»!

Но даже переживший войну в родном селе старик «сидел возле избушки, срубленной из бревен, на которых еще видна была окопная глина (какого же труда стоило ему это «строительство»?!). И при всей поразительной безунывности в чудаковатой обаятельности этого «мирового деда» (как окрестил его проезжий шофер), до «чего же он обездолен, на что ни глянь: «На нем были солдатский ватник и штаны из маскировочной материи с зелено-желтыми разводами. Он сосал трубку, чашечка которой представляла собой срез патрона от крупнокалиберного пулемета».

Бесконечно жаль, что Александру Трифоновичу не суждено было осуществить свои новые «прозаические» замыслы. А ведь кроме «Пана» были и другие чрезвычайно интересные в рабочей тетради; «...Со-

вершу кругосветное путешествие по воде, – говорится в рабочей тетради 1966 года, – и запишу всё по-манновски со всякими отвлечениями» и т. п.

То есть в духе любимого немецкого писателя Томаса Манна, многочисленные выписки из чьих книг и чье имя неоднократно встречается в этих тетрадях.

«В нее смотрелось пол-России...» – сказал однажды Твардовский о Волге, чьи волны как бы несут «краев несчетных отраженья».

И не справедливы ли эти слова по отношению к его собственному творчеству, запечатлевшему столько лиц, событий и судеб?

Андрей Турков

Стихотворения

Родная картина

Куда ни глянь – открытые для взора,
Бегут поля в полосках межевых...
Серебряными блюдами – озера
Расставлены в прогалинах сырых...
Ничуть не подрастающий сосонник
Засыпал редко луговую даль...
Здесь, словно резвые и молодые кони,
Промчались детские мои года...
У кладбища, сгущаясь синим бором,
Сосонник говорлив и жутко тих...
Болота...
И болотные озера
Серебряными блюдами на них.

<1927>

Яблоки

Спать и слышать яблока паденье
Сторожу садовому наказ.
Сторожу за ревность платят деньги,
Говоря об этом всякий раз.

Сторожа, укрывшись в шалаши,
Ожидают воровской души.

По малейшему ночному звуку,
Захватив тотчас берданку в руку,
В темноту бегут по одному,
Наклонясь от сучьев, как в дыму.

Днем они осматривают сад.
Может, яблоки считают: все ли?
Может, смотрят – так ли все висят,
Как вчера на веточках висели.

Сад смотреть – заняться больше нечем,
Кроме разговоров и махорки.
Вот и смотрят, пробуют подпорки,
Словно в церкви поправляют свечи.

Да, по осени бывает случай —
Груза не выдерживают сучья.

И тогда, понятно, сторожа
За увечье дерева дрожат.

Строго отвечают перед каждым
Из артельщиков – своих же граждан.
Настрого блюдутся сторожами
Яблок дорогие урожаи.

...Каждый год – который год подряд —
Открывается на праздник сад.
Со знаменами, с толпой нарядной,
С духовую музыкой парадной.

Председатель говорит, а рядом
Появляется второй оратор.
Это – представитель городской,
Машет он уверенно рукой.

И рукою этою берет
Только что упавший плод.

Яблоко ворочает рука.
И внимателен оратор так,
Словно хочет видеть червяка,
Что бывает в яблоке червяк.

За оратором в одном порядке
Все берут какой угодно сорт:
Хочешь сладких, хочешь кисло-сладких,

Можешь бабушкино и апорт.

Кое-кто вздыхает огорченно,
Думая о яблоках печеных...
Все едят на месте, но любой
При желанье может взять с собой.

...Хочется представить напоследки,
Что, возможно, в этот час в саду
На виду,
Облегченные, приподнимались ветки.

1929

Снег тает, отойдет земля

Снег тает, отойдет земля,
Прокатится громок густой.
Дождь теплый хлынет на поля
И смоем клочья пены снеговой.
Запахнет тополем волнующе.
Вздыхаешь, говоришь:
– Весна... —
Но ждешь, но думаешь,
Что пережил не всю еще
Весну, какая быть должна.

1932

Разлив Днепра

Широко разлился Днепр.
Ни конца, ни края нет.
Затопил берега,
Заливные луга.
Затопил Приднепровье,
Низкорослые кусты.
И пошли, пошли с верховья
На Смоленск – плоты.

1933

Лес осенью

Меж редяющих верхушек
Показалась синева.
Зашумела у опушек
Ярко-желтая листва.

Птиц не слышно. Треснет мелкий
Обломившийся сучок,
И, хвостом мелькая, белка
Легкий делает прыжок.

Стала ель в лесу заметней —
Бережет густую тень.
Подосиновик последний
Сдвинул шляпу набекрень.

1933

Рожь отволновалась

Рожь отволновалась.

Дым прошел.

Налило зерно до половины.

Колос мягок, но уже тяжел,

И уже в нем запах есть овинный...

1933

Усадьба

Над белым лесом – край зари багровой.
Восходит дым все гуще и синей.
И сразу оглушает скрип здоровый
Дверей, шагов, колодцев и саней.

На водопой проходят кони цугом.
Морозный пар клубится над водой,
И воробьи, взлетая полукругом,
Отряхивают иней с проводов.

И словно на строительной площадке —
На доски, на леса – легла зима.
И в не заполненном еще порядке
Стоят большие новые дома.

Они выглядывают незнакомо
На улице огромного села,
Где только дом попа и назывался домом,
А церковь главным зданием была;

Где шли к воде поодиночке клячи
И, постояв, отказывались пить;
Где журавель и тот скрипел иначе,
Совсем не так, как он теперь скрипит...

Надолго лег венцами лес сосновый.
И лес хорош,
И каждый дом хорош.
...Стоишь, приехав, на усадьбе новой
И, как Москву,
Ее не узнаешь.

1934

Тревожно-грустное ржанье коня

Тревожно-грустное ржанье коня,
Неясная близость спящего дома...
Здесь и собаки не помнят меня
И петухи поют незнакомо.

Но пахнет, как в детстве, – вишневой корой,
Хлевами, задворками и погребями,
Болотцем, лягушечьей икрой,
Пеньковой кострой
И простывшей баней...

1934

Утро

Кружась легко и неумело,
Снежинка села на стекло.
Шел ночью снег густой и белый —
От снега в комнате светло.

Чуть порошит пушок летучий,
И солнце зимнее встает.
Как каждый день – полней и лучше,
Да будет лучше новый год.

И дней, что отмечают люди,
Часов таких, как этот час, —
При нас с тобою много будет
И много-много – после нас...

1935

Смоленщина

Жизнью ни голодною, ни сытой,
Как другие многие края,
Чем еще была ты знаменита,
Старая Смоленщина моя?

Бросовыми землями пустыми,
Непроезжей каторгой дорог,
Хуторской столыпинской пустыней,
Межами и вдоль и поперек...

Помню, в детстве, некий дядя Тихон, —
Хмурый, враспояску, босиком, —
Говорил с безжалостностью тихой:
– Запустить бы все... под лес... кругом...

Да, земля была, как говорят.
Что посеешь, – не вернешь назад...

И лежали мхи непроходимые,
Золотые залежи тая,
Черт тебя возьми, моя родимая,
Старая Смоленщина моя!..

Край мой деревянный, шитый лыком,
Ты дивишься на свои дела.

Слава революции великой
Стороной тебя не обошла.

Деревушки бывшие и села,
Хуторские бывшие края
Славны жизнью сытой и веселой, —
Новая Смоленщина моя.

Хлеб прекрасный на земле родится,
На поля твои издалека —
С юга к северу идет пшеница,
Приучает к булке мужика.

Расстоянья сделались короче,
Стали ближе дальние места.
Грузовик из Рибшева грохочет
По настилу нового моста.

Еду незабытыми местами,
Новые поселки вижу я.
Знаешь ли сама, какой ты стала,
Родина смоленская моя?

Глубоко вдыхаю запах дыма я.
Сколько лет прошло? Немного лет...

Здравствуй, сторона моя родимая!..
Дядя Тихон, жив ты или нет?!

1935

Ледоход

Лед идет, большой, громоздкий,
Ночью движется и днем.
Все заметнее полоска
Между берегом и льдом.

Утром ранним, утром дымным
Разглядел я вдалеке,
Как куски дороги зимней
Уплывали по реке.

Поперек реки широкой
Был проложен путь прямой.
Той дорогой, той дорогой
Я ходил к тебе зимой...

Выйду, выйду напоследки,
Ой, как воды высоки,
Лед идет цепочкой редкой
Серединою реки.

Высоки и вольны воды.
Вот пройдет еще два дня —
С первым, с первым пароходом
Ты уедешь от меня.

Шумит, пробираясь кустами

Шумит, пробираясь кустами,
Усталое, сытое стадо.
Пастух повстречался нестарый
С насмешливо-ласковым взглядом.

Табак предлагает отменный,
Радушною радует речью.
Спасибо, товарищ почтенный,
За добрую встречу.

Парнишка идет босоногий,
Он вежлив, серьезен и важен.
Приметы вернейшей дороги
С готовностью тотчас укажет.

И следует дальше, влекомый
Своею особой задачей.
Спасибо, дружок незнакомый,
Желаю удачи!

Девчонка стоит у колодца,
Она обернется, я знаю,
И через плечо улыбнется,
Гребенку слегка поправляя.

Другая мне девушка снится,
Но я не боюсь порицанья:
Спасибо и вам, озорница,
За ваше вниманье.

1936

Столбы, селенья, перекрестки

Столбы, селенья, перекрестки.
Хлеба, ольховые кусты,
Посадки нынешней березки,
Крутые новые мосты.

Поля бегут широким кругом,
Поют протяжно провода,
А ветер прет в стекло с натугой,
Густой и сильный, как вода.

1936

Дождь надвигается внезапный

Дождь надвигается внезапный,
Ты выбегаешь на дорожку,
Чтоб воротиться с первой каплей,
Зажатой в смуглую ладошку.

В игре, в забавах хлопотливых,
Моя веселая, родная,
Растешь ты шумно и счастливо,
О том не думая, не зная.

Ты по траве гоняешь мячик,
На плечи мне влезает ловко.
И пахнет солнышком горячим
Светловолосая головка.

О детстве горьком, захолустном
Я вспоминаю потихоньку
И чуть завистливо, чуть грустно
Смотрю на милую девчонку.

Целую русую без счета,
Запорошенную песочком.
И все хочу тебе я что-то
Сказать, но не умею, дочка.

<1936>

Не стареет твоя красота

Не стареет твоя красота,
Разгорается только сильней.
Пролетают неслышно над ней,
Словно легкие птицы, лета.

Не стареет твоя красота.
А росла ты на жесткой земле,
У людей, не в родимой семье,
На хлебах, на тычках, сирота.

Не стареет твоя красота,
И глаза не померкли от слез.
И копна темно-русых волос
У тебя тяжела и густа.

Все ты горькие муки прошла,
Все ты вынесла беды свои.
И живешь и поешь, весела
От большой, от хорошей любви.

На своих ты посмотришь ребят,
Радость матери нежной проста:
Все в тебя, все красавцы стоят,
Как один, как орехи с куста.

Честь великая рядом с тобой
В поле девушке стать молодой.
Всюду славят тебя неспроста, —
Не стареет твоя красота.

Ты идешь по земле молодой —
Зеленеет трава за тобой.
По полям, по дорогам идешь —
Расступается, кланяясь, рожь.

Молодая береза в лесу
Поднялась и ровна и бела.
На твою она глядя красу,
Горделиво и вольно росла.

Не стареет твоя красота.
Слышно ль, женщины в поле поют, —
Голос памятный все узнают —
Без него будто песня не та.

Окна все пооткроют дома,
Стихнет листьев шумливая дрожь.
Ты поешь! Потому так поешь,
Что ты песня сама.

Дорога

Вдоль дороги, широкой и гладкой,
Протянувшейся вдаль без конца,
Молодые, весенней посадки,
Шелестят на ветру деревца.

А дорога, сверкая, струится
Меж столбов, прорываясь вперед,
От великой советской столицы
И до самой границы ведет.

Тени косо бегут за столбами,
И столбы пропадают вдали.
Еду вровень с густыми хлебами
Серединой родимой земли.

Ветер, пой, ветер, вой на просторе!
Я дорогою сказочной мчусь.
Всю от моря тебя и до моря
Вижу я, узнаю тебя, Русь!

Русь! Леса твои, степи и воды
На моем развернулись пути.
Города, рудники и заводы
И селенья – рукой обвести.

Замелькал перелесок знакомый,
Где-то здесь, где-то здесь в стороне
Я бы крышу родимого дома
Увидал. Или кажется мне?

Где-то близко у этой дороги, —
Только не было вовсе дорог, —
Я таскался за стадом убогим,
Босоногий, худой паренек.

Детство бедное. Хутор далекий.
Ястреб медленно в небе кружит.
Где-то здесь, на горе невысокой,
Дед Гордей под сосенкой лежит...

Рвется ветер, стекло прогибая,
Чуть столбы поспевают за мной.
Паровоз через мост пробегает
Высоко над моей головой.

По дороге, зеркально блестящей,
Мимо отчего еду крыльца.
Сквозь тоннель пролетаю гудящий,
Освещенный, как зала дворца.

И пройдут еще годы и годы,
Будет так же он ровно гудеть.
Мой потомок на эти же своды
С уважением будет глядеть.

И дорога, что смело и прямо
Пролегла в героический срок,
Так и будет одною из самых
На земле величайших дорог.

Все, что мы возведем, что проложим, —
Все столетиям славу несет...
Дед, совсем ты немного не дожил,
Чтоб века пережить наперед.

1937

Перед дождем

У дороги дуб зеленый
Зашумел листвою каляной.
Над землею истомленной
Дождь собрался долгожданный.

Из-за моря поспешая,
Грозным движима подпором,
Туча темная, большая
Поднималась точно в гору.

Добрый гром далеко где-то
Прокатился краем неба.
Потянуло полным летом,
Свежим сеном, новым хлебом.

Наползая шире, шире,
Туча землю затеняла.
Капли первые большие
Обронились где попало.

Стало тише и тревожней
На земле похолоделой...
Грузовик рванул порожний
По дороге опустелой.

1937

Ивушка

Умер Ивушка-печник,
Крепкий был еще старик...

Вечно трубочкой дымил он,
Говорун и весельчак.
Пить и есть не так любил он,
Как любил курить табак.

И махоркою добротной
Угощал меня охотно.

– На-ко, – просит, – удружи,
Закури, не откажи.
Закури-ка моего,
Мой не хуже твоего.

И при каждом угощенье
Мог любому подарить
Столько ласки и почтения,
Что нельзя не закурить.

Умер Ива, балагур,
Знаменитый табакур.

Правда ль, нет – слова такие

Перед смертью говорил:
Мол, прощайте, дорогие,
Дескать, хватит, покурил...

Будто тем одним и славен,
Будто, прожив столько лет,
По себе печник оставил
Только трубку да кiset.

Нет, недаром прожил Ива
И не все курил табак,
Только скромно, не хвастливо
Жил печник и помер так.

Золотые были руки,
Мастер честью дорожил.
Сколько есть печей в округе —
Это Ивушка сложил.

И, с ухваткою привычной
Затопив на пробу печь,
Он к хозяевам обычно
Обращал такую речь:

— Ну, топите, хлеб пеките,
Дружно, весело живите.

А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

На полях трудитесь честно,
За столом садитесь тесно.

А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

Жизнью полной, доброй славой
Славьтесь вы на всю державу.

А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

И на каждой печке новой,
Ровно выложив чело,
Выводил старик бедовый
Год, и месяц, и число.

И никто не ждал, не думал...
Взял старик да вдруг и умер,
Умер Ива, балагур,
Знаменитый табакур.

Умер скромно, торопливо,
Так и кажется теперь,
Что, как был, остался Ива,
Только вышел он за дверь.

Люди Иву поминают,

Люди часто повторяют:
Закури-ка моего,
Мой не хуже твоего.

А морозными утрами
Над веселыми дворами
Дым за дымом тянет ввысь.
Снег блестит все злей и ярче,
Печки топятся пожарче,
И идет, как надо, жизнь.

1938

Сельское утро

Звон из кузницы несется,
Звон по улице идет.
Отдается у колодца,
У заборов, у ворот.
Дружный, утренний, здоровый
Звон по улице идет.
Звонко стукнула подкова,
Под подковой хрустнул лед;
Подо льдом ручей забулькал,
Зазвенело все кругом;
Тонко дзинькнула сосулька,
Разбиваясь под окном;
Молоко звонит в посуду,
Бьет рогами в стену скот, —
Звон несется отовсюду —
Наковальня тон дает.

1938

Звезды, звезды, как мне быть

Звезды, звезды, как мне быть,
Звезды, что мне делать,
Чтобы так ее любить,
Как она велела?

Вот прошло уже три дня,
Как она сказала:
– Полюбите так меня,
Чтоб вам трудно стало.

Чтобы не было для вас
Все на свете просто,
Чтоб хотелось вам подчас
Прыгнуть в воду с моста.

Чтоб ни дыма, ни огня
Вам не страшно было.
Полюбите так меня,
Чтоб я вас любила.

Друзьям

Друзья, с кем я коров стерег,
Костры палил, картошку пек,
С кем я сорочьи гнезда рыл,
Тайком ольховый лист курил, —
Друзья, когда кому-нибудь
Еще случится заглянуть
В Загорье наше, – это я
Все наши обошел края,
По старым стежкам я бродил,
За всех вас гостем я здесь был.

Пойду в поля – хлеба стеной,
Во ржи не виден верховой.
Гречихи, льны, овсы – по грудь,
Трава – косы не протянуть.

Земля в цвету – и все по ней:
В домах – светлей, народ – добрей.
А нынче, в самый сенокос,
На гармониста всюду спрос.

Как вечер – танцы при луне,
Как вечер, братцы, грустно мне —
В своих местах, в родных кустах
Без вас, друзей, гулять в гостях.

Я даже думал в эти дни:
А вдруг как съедутся они
Со всех концов, краев, столиц,
С военных кораблей, с границ.
И сядем мы за стол в кружок
И за вином пошлем в ларек.
И выпьем мы, как долг велит,
Без лишних споров и обид,
Друг перед дружкой гордясь,
На ордена свои косясь.

Но вы, друзья, кто там, кто там,
У дела, по своим постам.
Вы в одиночку, как и я,
В родные ездите края.
Наш год, наш возраст самый тот,
Что службу главную несет.
И быть на месте в должный час
Покамест некому за нас...

Друзья, в отцовской стороне,
Не знаю что: не спится мне.
Так зори летние близки,
Так вкрадчиво поют сверчки,
Так пахнут липы от росы.
И в сене тикают часы,
А щели залиты луной,
А за бревенчатой стеной,

Во сне, как много лет назад,
Считает листья старый сад.
Глухой, на ощупь, робкий счет —
Все тот, а все-таки не тот...

И всяк из вас, кто вслед за мной
Свой угол посетит родной,
Такою ж, может быть, точь-в-точь
Здесь проведет однажды ночь.
Наверно, так же будет он
Взволнован за день, возбужден,
Лежать, курить, как я сейчас,
О детстве думая, о нас,
О давних днях, о старине,
О наших детях, о войне,
О множестве людских путей,
О славе родины своей.

1939

Рожь, рожь... Дорога полевая

Рожь, рожь... Дорога полевая
Ведет неведомо куда.
Над полем низко провисая,
Лениво стонут провода.
Рожь, рожь – до свода голубого,
Чуть видишь где-нибудь вдали,
Ныряет шапка верхового,
Грузовичок плывет в пыли.
Рожь уходилась. Близки сроки,
Отяжелела и на край
Всем полем подалась к дороге,
Нависнула – хоть подпирай.
Знать, колос, туго начиненный,
Четырехгранный, золотой,
Устал держать пуды, вагоны,
Составы хлеба над землей.

1939

Братья

Лет семнадцать тому назад
Были малые мы ребятишки.
Мы любили свой хутор,
Свой сад.
Свой колодец,
Свой ельник и шишки.

Нас отец, за ухватку любя,
Называл не детьми, а сынами.
Он сажал нас обапол себя
И о жизни беседовал с нами.

– Ну, сыны?
Что, сыны?
Как, сыны? —
И сидели мы, выпятив груди, —
Я с одной стороны,
Брат с другой стороны,
Как большие, женатые люди.

Но в сарае своем по ночам
Мы вдвоем засыпали несмело.
Одинокий кузнечик сверчал,
И горячее сено шумело...

Мы, бывало, корзинки грибов,
От дождя побелевших, носили.
Ели желуди с наших дубов —
В детстве вкусные желуди были!..

Лет семнадцать тому назад
Мы друг друга любили и знали.
Что ж ты, брат?
Как ты, брат?
Где ж ты, брат?
На каком Беломорском канале?

1933

Песня

Сам не помню и не знаю
Этой старой песни я.
Ну-ка, слушай, мать родная,
Митрофановна моя.

Под иголкой на пластинке
Вырастает песня вдруг,
Как ходили на зажинки
Девки, бабы через луг.

Вот и вздрогнула ты, гостья,
Вижу, песню узнаешь...
Над межей висят колосья,
Тихо в поле ходит рожь.

В знойном поле сиротливо
День ты кланяешься, мать.
Нужно всю по горстке ниву
По былинке перебрать.

Бабья песня. Бабье дело.
Тяжелеет серп в руке.
И ребенка плач несмелый
Еле слышен вдалеке.

Ты присела, молодая,
Под горячею копной.
Ты забылась, напевая
Эту песню надо мной.

В поле глухо, сонно, жарко.
Рожь стоит, – не перестой.
...Что ж ты плачешь? Песни ль жалко
Или горькой жизни той?

Или выросшего сына,
Что нельзя к груди прижать?..
На столе поет машина,
И молчит старуха мать.

1936

Как Данила помирал

Жил на свете дед Данила
Сто годов да пять.
Видит, сто шестой ударил, —
Время помирать.

Вволю хлеба, вволю сала,
Сыт, обут, одет.
Если б совесть позволяла,
Жил бы двести лет.

Но невесело Даниле,
Жизнь сошла на край:
Не дают работать деду,
Говорят: – Гуляй.

А гулять беспеременно —
Разве это жизнь?
Говорили б откровенно:
Помирать ложись.

Потихоньку дед Данила
Натаскал досок.
Достает пилу, рубанок,
Гвозди, молоток.

Тешет, пилит – любо-мило,
Доски те, что звон!
Все, что делал дед Данила, —
Делал крепко он.

Сколотил он гроб надежный,
Щитный, что ладья.
Отправляется Данила
В дальние края.

И в своем гробу сосновом
Навзничь дед лежит.
В пиджаке, рубахе новой,
Саваном прикрыт.

Что в селе народу было —
Все пришли сполна.
– Вот и помер дед Данила.
– Вот тебе и на...

Рассуждают: – Потрудился
На своем веку. —
И весьма приятно слышать
Это старику.

– Ох и ветох был, однако, —
Кто-то говорит.
«Ох, и брешешь ты, собака», —
Думает старик.

– Сыновей зато оставил —
Хлопцам равных нет.
«Вот что правда, то и правда», —
Чуть не молвил дед.

Постоял народ пристойно
И решает так:
– Выпить надо. Был покойник
Выпить не дурак.

И такое заключенье
Дед услышать рад:
Не в упрек, не в осужденье
Люди говорят.

Говорят: – Прощай, Данила,
Не посетуй, брат,
Дело ждет, по бревнам наши
Топоры торчат.

Говорят: – У нас ребята
Плотники – орлы.
Ты их сам учил когда-то
Вырубать углы.

Как зачешут топорами
Вперебой и в лад,
Басовито, громовито

Бревна загудят.

Эх, Данила, эх, Данила,
Был ты молодым!
С молодым бы в пору было
Потягаться им.

Не обижен был ты силой,
Мы признать должны...
— Ах вы, — крикнул дед Данила, —
Сукины сыны!

Не желаю ваш постылый
Слушать разговор.
На леса! — кричит Данила. —
Где он, мой топор?!

1937

Матери

И первый шум листвы еще неполной,
И след зеленый по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо —
Мне всякий раз тебя напоминают.

1937

Не дым домашний над поселком

Не дым домашний над поселком,
Не скрип веселого крыльца,
Не запах утренний сенца
На молодом морозце колком, —

А дым костра, землянки тьма,
А день, ползущий в лес по лыжням,
Звон пули в воздухе недвижимом,
Остекленевшем – вот зима...

1940

Ноябрь

В лесу заметней стала елка,
Он прибран засветло и пуст.
И, оголенный, как метелка,
Забитый грязью у проселка,
Обдутый изморозью золкой,
Дрожит, свистит лозовый куст.

1943

Две строчки

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего – ума не приложу, —
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забытый, маленький, лежу.

Я убит подо Ржевом

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я – где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я – где крик петушиный
На заре по росе;
Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет, —
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому – как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она – спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам – все это, живые.
Нам – отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное право
Нам навеки дано, —
И за нами оно —

Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,

То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! —
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные

Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг, —

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали, —
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю, —
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать – горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать – не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братя, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

1945–1946

В тот день, когда окончилась война

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.

Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока.
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделились навсегда от них:

Нас эти залпы с ними различали.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;

И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;

И с теми, что под самую Москвой,
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимой сорок первого; и с теми,

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя

Последнего, под холмиком земли,
Насыпанным не чуждою рукою.

Со всеми – пусть не равен их удел, —
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел:
Такой был срок ему отпущен малый.

Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ, —
Со всеми, до единого со всеми

Простились мы. И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не затем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не затем, нет, не затем одним,
Что ветры войн шумят, не утихая,

И нам уроки мужества даны

В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были, —

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчасти?

И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека?

Что ж, мы – трава? Что ж, и они – трава?
Нет, не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.

К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.

Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немыми.
Но вы – мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.

В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.

Я ваш, друзья, – и я у вас в долгу,
Как у живых, – я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,

Скажу слова без прежней веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых,
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

1948

О прописке

По всему Советскому Союзу,
Только б та задача по плечу,
Я мою уживчивую Музу
Прописать на жительство хочу.

Чтобы мне не ведать той печали,
Как ответят у иных ворот:
— Нет, не проживает. Не слышали.
Номер дома, может быть, не тот.

Чтоб везде по селам и столицам
Отвечали на вопрос о ней:
— Как же, есть. Давнишняя жилища, —
И улыбки были б у людей.

Чтоб глаза у стариков яснили,
Чтобы к слову вставил не один:
— Мы еще на фронте были с нею,
Вместе помним Вязьму и Берлин.

Чтоб детишки из любого дома,
Если к ним случайно обращусь,
Говорили б:
— Как же, мы знакомы
И немножко знаем наизусть.

Чтобы не с почтеньем, а с любовью
Отзывалось каждое жильё:
– Здесь она. На доброе здоровье
Здесь живет. А как же без нее?

Вот тогда, как отзыв тот желанный,
Прозвучит о ней, моей родной,
Я и сам пропиской постоянной
Обеспечен буду под луной.

1951

Перед дорогой

Что-то я начал болеть о порядке
В пыльном, лежалом хозяйстве стола:
Лишнее рву, а иное в тетрадки
Переношу, подшиваю в «дела».

Что ж, или все уж подходит к итогу
И затруднять я друзей не хочу?
Или опять я собрался в дорогу,
Выбрал маршрут, но покамест молчу?

Или гадаю, вступив на развилку:
Где меня ждет озаренье и свет
Радости той, что, быть может, я в силах
Вам принести, а быть может, и нет?..

Все я приму поученья, внушенья,
Все наставленья в дорогу возьму.
Только за мной остается решенье,
Что не принять за меня никому.

Я его принял с волнением безвестным
И на себя, что ни будет, беру.
Дайте расчистить рабочее место
С толком, с любовью – и сразу к перу.

Но за работой, упорной, бессрочной,
Я моей главной нужды не таю:
Будьте со мною, хотя бы заочно,
Верьте со мною в удачу мою.

1951

Мне памятно, как умирал мой дед

Мне памятно, как умирал мой дед,
В своем запечье лежа терпеливо,
И освещал дорогу на тот свет
Свечой, уже в руке стоявшей криво.

Мы с ним дружили. Он любил меня.
Я тосковал, когда он был в отлучке,
И пряничного ждал себе коня,
Что он обычно приносил с полочки.

И вот он умер, и в гробу своем,
Накрытом крышкой, унесен куда-то.
И нет его, а мы себе живем, —
То первая была моя утрата...

И словно вдруг за некоей чертой
Осталось детства моего начало.
Я видел смерть, и доля смерти той
Мне на душу мою ребячью пала.

И с той поры в глухую глубь земли,
Как будто путь туда открыт был дедом,
Поодиночке от меня ушли
Уже другие проторенным следом...

В январский холод, в летнюю жару,
В туман и дождь, с оркестром,
без оркестра —

Одних моих собратьев по перу
Я столько проводил уже до места.

И всякий раз, как я кого терял,
Мне годы ближе к сердцу подступали,
И я какой-то частью умирал,
С любимым из них как будто числясь в паре.

И если б так же было на войне,
Где счет потерям более суровый,
Наверно б, жизни не хватило мне
И всем, что ныне живы и здоровы.

Но речь о том, что неизбежный час,
Как мне расстаться — малой части —
с целым,
Как этот мир мне потерять из глаз, —
Не может быть моим лишь частным делом.

Я полагаю, что и мой уход,
Назначенный на завтра иль на старость,
Живых друзей участие призовет —
И я один со смертью не останусь.

Ни ночи нету мне, ни дня

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока:
Моя задолженность меня
Преследует жестоко.

У стольких душ людских в долгу,
Живу, бедой объятый:
А вдруг сквитаться не смогу
За все, что было взято!

За то добро, за то тепло,
Участье и пристрастье,
Что в душу мне от них вошло,
Дало изведать счастье.

Сдается часом: заплачу,
Покрою все до строчки;
А часом: нет, не по плечу,
И вновь прошу отсрочки.

И вновь становятся в черед
Сомненье, сил упадок.
Беда! А выйду на народ:
– Ну как? – Бодрюсь: – Порядок...

И устаю от той игры,
От горького секрета,
Как будто еду до поры
В вагоне без билета.

Как будто я какой злодей,
Под страхом постоянным,
Как будто лучших из друзей
К себе привлек обманом.

От мысли той невоготу
И тяжелей усталость.
Вот подведут они черту,
И – вдруг – один останусь.

И буду, сам себе ровня
Один, в тоске глубокой.
Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока.

За что же мне такой удел,
Вся жизнь – из суток в сутки?..

...А что ж ты, собственно, хотел?
Ты думал: счастье – шутки?

Снега потемнеют синие

Снега потемнеют синие
Вдоль загородных дорог,
И воды зайдут низинами
В прозрачный еще лесок.

Недвижной гладью прикинута,
И разом – в сырой ночи
В поход отовсюду ринутся,
Из русел выбив ручьи.

И, сонная, талая,
Земля обвянет едва,
Листву прошивая старую,
Пойдет строчить трава.

И с ветром нежно-зеленая
Ольховая пыльца,
Из детских лет донесенная,
Как тень, коснется лица.

И сердце почует заново,
Что свежесть поры любой
Не только была да канула,
А есть и будет с тобой.

1955

Час рассветный подъема

Час рассветный подъема,
Час мой ранний люблю.
Ни в дороге, ни дома
Никогда не просплю.

Для меня в этом часе
Суток лучшая часть:
Непечатый в запасе
День, а жизнь началась.

Все под силу задачи,
Всех яснее одна.
Я хитер, я богаче
Тех, что спят допоздна.

Но грустнее начало
Дня уже самого.
Мне все кажется, мало
Остается его.

Он поспешно убудет,
Вот и на бок пора.
Это молодость любит
Подлинней вечера.

А потом, хоть из пушки
Громыхай под окном.
Со слюной на подушке
Спать готова и днем.

Что, мол, счастье дневное —
Не уйдет, подождет.
Наше дело иное,
Наш скупее расчет.

И другой распорядок
Тех же суток у нас.
Так он дорог, так сладок,
Ранней бодрости час.

1955

Не много надобно труда

Не много надобно труда,
Уменья и отваги,
Чтоб строчки в рифму, хоть куда,
Составить на бумаге.

То в виде елочки густой,
Хотя и однобокой,
То в виде лесенки крутой,
Хотя и невысокой.

Но бьешься, бьешься так и сяк —
Им не сойти с бумаги.
Как говорит старик Маршак:
— Голубчик, мало тяги...

Дрова как будто и сухи,
Да не играет печка.
Стихи как будто и стихи,
Да правды ни словечка.

Пеняешь ты на неуспех,
На козни в этом мире:
— Чем не стихи? Не хуже тех
Стихов, что в «Новом мире».

Но совесть, та исподтишка
Тебе подскажет вскоре:
Не хуже – честь невелика,
Не лучше – вот что горе.

Покамест молод, малый спрос:
Играй. Но Бог избави,
Чтоб до седых дожить волос,
Служа пустой забаве.

1955

Вся суть в одном- единственном завете

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых, — знаю только я.

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет – пусть себе он Бог,

А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

1958

Космонавту

Когда аэродромы отступленья
Под Ельней, Вязьмой иль самой Москвой
Впервые новичкам из пополненья
Давали старт на вылет боевой, —

Прости меня, разведчик мирозданья,
Чьим подвигом в веках отмечен век, —
Там тоже, отправляясь на заданье,
В свой космос хлопцы делали разбег.

И пусть они взлетали не в ракете
И не сравнить с твоею высотой,
Но и в своем фанерном драндулете
За ту же вырывались черту.

За ту черту земного притяженья,
Что ведает солдат перед броском,
За грань того особого мгновенья,
Что жизнь и смерть вмещают целиком.

И может быть, не меньшею отвагой
Бывали их сердца наделены,
Хоть ни оркестров, ни цветов, ни флагов
Не стоил подвиг в будний день войны.

Но не затем той памяти кровавой
Я нынче вновь разматываю нить,
Чтоб долею твоей всемирной славы
И тех героев как бы оделить.

Они горды, они своей причастны
Особой славе, принятой в бою,
И той одной, суровой и безгласной,
Не променяли б даже на твою.

Но кровь одна, и вы – родные братья,
И не в долгу у старших младший брат.
Я лишь к тому, что всей своею статью
Ты так похож на тех моих ребят.

И выправкой, и складкой губ, и взглядом,
И этой прядкой на вспотевшем лбу...
Как будто миру – со своею рядом —
Их молодость представил и судьбу.

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

Все сроки кратки в этом мире

Все сроки кратки в этом мире,
Все превращения – на лету.
Сирень в году дня три-четыре,
От силы пять кипит в цвету.

Но побуревшее соцветье
Сменяя кистью семенной,
Она, сирень, еще весной —
Уже в своем дремотном лете.

И даже свежий блеск в росе
Листвы, еще не запыленной,
Сродни той мертвенной красе,
Что у листвы вечнозеленой.

Она в свою уходит тень.
И только, пета-перепета,
В иных стихах она все лето
Бушует будто бы, сирень.

А ты самих послушай хлеборобов

А ты самих послушай хлеборобов,
Что свековали век свой у земли,
И врать им нынче нет нужды особой, —
Все превзошли,
А с поля не ушли.

Дивиться надо: при Советской власти —
И время это не в далекой мгле, —
Какие только странности и страсти
Не объявлялись на родной земле.

Доподлинно, что в самой той России,
Где рожь была святыней от веков,
Ее на корм, зеленую, косили,
Не успевая выкосить лугов.

Наука будто все дела вершила.
Велит, и точка – выполнять спешит:
То – плугом пласт
Ворочай в пол-аршина,
То – в полвершка,
То – вовсе не паши.

И нынешняя заповедь вчерашней,
Такой же строгой, шла наперерез:

Вдруг – сад корчуй
Для расширения пашни,
Вдруг – клеверище
Запускай под лес...

Бывало так, что опускались руки,
Когда осенний подведен итог:
Казалось бы —
Ни шагу без науки,
А в зиму снова —
Зубы на полок.

И распорядок жизни деревенской,
Где дождь ли, ведро – не бери
в расчет, —
Какою был он мукою-мученской, —
Кто любит землю, знает только тот...

Науку мы оспаривать не будем,
Науке всякой —
По заслугам честь,
Но пусть она
Почтенным сельским людям
Не указывает,
С чем им кашу есть.

Памяти матери

Прощаемся мы с матерями

Прощаемся мы с матерями
 Задолго до крайнего срока —
Еще в нашей юности ранней,
 Еще у родного порога,

Когда нам платочки, носочки
 Уложат их добрые руки,
А мы, опасаясь отсрочки,
 К назначенной рвемся разлуке.

Разлука еще безусловней
 Для них наступает попозже,
Когда мы о воле сыновней
 Спешим известить их по почте.

И карточки им посылая
 Каких-то девчонок безвестных,
От щедрой души позволяем
 Заочно любить их невесток.

А там – за невестками – внуки...

И вдруг назовет телеграмма
Для самой последней разлуки
Ту старую бабушку мамой.

В краю, куда их вывезли гуртом

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было – холода и голода.

Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь зайдет про все про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать, —
Уж очень было кладбище немилое.

Кругом леса без края и конца —
Что видит глаз – глухие, нелюдимые.
А на погосте том – ни деревца,
Ни даже тебе прутика единого.

Так-сяк, не в ряд нарытая земля
Меж вековыми пнями да корягами,
И хоть бы где подальше от жилья,
А то – могилки сразу за бараками.

И ей, бывало, виделись во сне

Не столько дом и двор со всеми справками,
А взгорок тот в родимой стороне
С крестами под березами кудрявыми.

Такая то краса и благодать,
Вдали большак, дымит пыльца дорожная.
— Проснись, проснись, — рассказывала мать, —
А за стеною — кладбище таежное...

Теперь над ней березы, хоть не те,
Что снились за тайгою чужедальнею.
Досталось прописаться в тесноте
На вечную квартиру коммунальную.

И не в обиде. И не все ль равно,
Какою метой вечность сверху мечена.
А тех берез кудрявых — их давно
На свете нету. Сниться больше нечему.

Как не спеша садовники орудуют

Как не спеша садовники орудуют
Над ямой, заготовленной для дерева:
На корни грунт не сваливают грудю,
По горсточке отмеривают.

Как будто птицам корм из рук,

Крошат его для яблони.
И обойдут приствольный круг
Вслед за лопатой граблями...

Но как могильщики – рывком —
Давай, давай без передышки, —
Едва свалился первый ком,
И вот уже не слышно крышки.

Они минутой дорожат,
У них иной пожарный на́вык:
Как будто откопать спешат,
А не закапывают навек.

Спешат, – меж двух затяжек строк, —
Песок, гнилушки, битый камень
Кой-как содвинуть в бугорок,
Чтоб завалить его венками...

Но ту сноровку не порочь, —
Оправдан этот спех рабочий:
Ведь ты им сам готов помочь,
Чтоб только все – еще короче.

– Ты откуда эту песню

*Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,*

*Перевези меня на ту сторону,
Сторону – домой...*

Из песни

– Ты откуда эту песню,
Мать, на старость запасла?
– Не откуда – все оттуда,
Где у матери росла.

Все из той своей родимой
Приднепровской стороны,
Из далекой-предалекой,
Деревенской старины.

Там считалось, что прощалась
Навек с матерью родной,
Если замуж выходила
Девка на берег другой.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону – домой...

Давней молодости слезы.
Не до тех девичьих слез,
Как иные перевозки
В жизни видеть привелось.

Как с земли родного края
Вдаль спровадила пора.
Там текла река другая —
Шире нашего Днепра.

В том краю леса темнее,
Зимы дольше и лютей,
Даже снег визжал больнее
Под полозьями саней.

Но была, пускай не пета,
Песня в памяти жива.
Были эти на край света
Завезенные слова.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону – домой...

Отжитое – пережито,
А с кого какой же спрос?
Да уже неподалеку
И последний перевоз.

Перевозчик-водогребщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону,

1965

В самый угол шалаша

В самый угол шалаша,
Где остывшая солома,
Забирается душа,
Чтоб одной побыть ей дома;

Отдышаться от затей
И обязанностей ложных,
От пустых речей, статей
И хлопот пустопорожних;

И не видеть их лица —
Резвых слуг любой эпохи:
Краснобая-подлеца,
Молчаливого пройдохи;

Полномочного скота,
Групповода-обормота,
Прикрепленного шута
И внештатного сексота...

Дайте, дайте в шалаше,
Удрученной злым недугом,

Отдохнуть живой душе
И хотя б собраться с духом...

1966

День прошел, и в неполном покое

День прошел, и в неполном покое
Стихнул город, вдыхая сквозь сон
Запах свежей натоптанной хвои —
Запах праздников и похорон.

Сумрак полночи мартовской серый.
Что за ним – за рассветной чертой —
Просто день или целая эра
Заступает уже на постой?

1966

Июль – макушка лета

Июль – макушка лета, —
Напомнила газета,
Но прежде всех газет —
Дневного убыль света;
Но прежде малой этой,

Скрытнейшей из примет, —
Ку-ку, ку-ку – макушка —
Отстукала кукушка
Прощальный свой привет.
А с липового цвета,
Считай, что песня спета,
Считай, пол-лета нет, —
Июль – макушка лета.

1966

Просыпаюсь по-летнему

Просыпаюсь по-летнему
Ради доброго дня.
Только день все заметнее
Отстает от меня.

За неясными окнами,
Словно тот, да не тот,
Он над елками мокрыми
Неохотно встает.

Медлит высветить мглистую
Дымку – сам не богат.
И со мною не выстоит,
Первым канет в закат.

Приготовься заранее
До конца претерпеть
Все его отставания,
Что размечены впредь.

1966

Есть имена и есть такие даты

Есть имена и есть такие даты, —
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты, —
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.

1966

Листва отпылала

Листва отпылала,
опала, и запахом поздним
Настоян осинник —
гарькавым и легкоморозным.

Последними пали
 неблеклые листья сирени.
И садики стали
 беднее, светлей и смиренней.
Как пот,
 остывает горячего лета усталость.
Ах, добрая осень,
 такую бы добрую старость:
Чтоб вовсе она
 не казалась досрочной, случайной
И все завершалось,
 как нынешний год урожайный;
Чтоб малые только
 ее возвещали недуги
И шла бы она
 под уклон безо всякой натуги.
Но только в забвенье
 тревоги и боли насущной
Доступны утехи
 и этой мечты простодушной.

1966

Я знаю, никакой моей вины

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе —

Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

1966

Стой, говорю: всему помеха

Стой, говорю: всему помеха —
То, что, к перу садясь за стол,
Ты страсти мелочной успеха
На этот раз не поборол.

Ты не свободен был. И даже
Стремился славу подкрепить,
Чтоб не стоять у ней на страже,
Как за жену, спокойным быть.

Прочь этот прах, расчет порочный,
Не надо платы никакой —
Ни той, посмертной, ни построчной, —
А только б сладить со строкой.

А только б некий луч словесный
Узреть, не зримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.

И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,
Боясь находки, как потери,
Что с каждым разом все больней.

<1966>

Береза

На выезде с кремлевского двора,
За выступом надвратной башни Спасской,
Сорочьей черно-белую раскраской
Рябеет – вдруг – прогиб ее ствола.

Должно быть, здесь пробилась самосевом,
Прогнулась, отклоняясь от стены,
Угадывая, где тут юг, где север,
Высвобождая крону из тени...

Ее не видно по пути к царь-пушке
За краем притемненного угла.
Простецкая – точь-в-точь с лесной опушки,
С околицы забвенной деревушки,
С кладбищенского сельского бугра...

А выросла в столице ненароком,
Чтоб возле самой башни мировой
Ее курантов слушать мерный бой
И города державный рокот.

Вновь зеленеть, и вновь терять свой лист,
И красоваться в серебре морозном,
И на ветвях качать потомство птиц,
Что здесь кружились при Иване Грозном.

И вздрагивать во мгле сторожевой
От губельного грохота и воя,
Когда полосовалось над Москвой
Огнями небо фронтовое.

И в кольцах лет вести немой отсчет
Всему, что пронесется, протечет
На выезде, где в памятные годы
Простые не ходили пешеходы;

Где только по звонку, блюда черед,
Машины – вниз – на площадь, на народ,
Нырjali под ступенчатые своды
И снизу вырывались из ворот.

И стольких здесь она перевидала,
Встречая, провожая всякий раз,
Своих, чужих – каких там ни попало, —
И отразилась в стольких парах глаз,
По ней скользнувших мимолетным взглядом
В тот краткий миг, как проносились рядом...

Нет, не бесследны в мире наши дни,
Таящие надежду иль угрозу.
Случится быть в Кремле – поди взгляни
На эту неприметную березу.

Какая есть – тебе предстанет вся,

Запас диковин мало твой пополнит,
Но что-то вновь тебе напомнит,
Чего вовеки забывать нельзя...

1966

Такою отмечен я долей бедовой

Такою отмечен я долей бедовой:
Была уже мать на последней неделе,
Сгребала сенцо на опушке еловой, —
Минута пришла – далеко до постели.

И та закрепилась за мною отметка,
Я с детства подробности эти усвоил,
Как с поля меня доставляла соседка
С налипшей на мне прошлогоднею хвоей.

И не были эти в обиду мне слухи,
Что я из-под елки, и всякие толки, —
Зато, как тогда утверждали старухи,
Таких, из-под елки,
Не трогают волки.

Увы, без вниманья к породе особой,
Что хвойные те означали иголки,
С великой охотой,
С отменною злобой
Едят меня всякие серые волки.

Едят, но недаром же я из-под ели:
Отнюдь не сказать, чтобы так-таки съели.

1966

Я сам дознаюсь, доищусь

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть, —
Не по готовым нотам.

Мне проку нет, — я сам большой, —
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.

1966

На дне моей жизни

На дне моей жизни,
на самом доньшке
Захочется мне
посидеть на солнышке,
На теплом пенушке.

И чтобы листва
красовалась палая
В наклонных лучах
недалекого вечера.
И пусть оно так,
что морока немалая —
Твой век целиком,
да об этом уж нечего.

Я думу свою
без помехи подслушаю,
Черту подведу
стариковскую палочкой:
Нет, все-таки нет,
ничего, что по случаю
Я здесь побывал
и отметился галочкой.

1967

Допустим, ты свое уже оттопал

Допустим, ты свое уже оттопал
И позади – остался твой предел,
Но при тебе и разум твой, и опыт,
И некий срок еще для сдачи дел
Отпущен – до погрузки и отправки.

Ты можешь на листах ушедших лет
Внести еще какие-то поправки,
Чертой ревливой обводя свой след;

Самозащите доверяясь шаткой,
Невольно прихорашивать итог...
Но вдруг подумать:
Нет, спасибо в шапку,
От этой сласти береги нас Бог.

Нет, лучше рухнуть нам на полдороге,
Коль не по силам новый был маршрут.
Без нас отлично подведут итоги
И, может, меньше нашего наврут.

Время, скорое на расправу

Время, скорое на расправу,
В меру дней своих скоростных,
Власть иную, иную славу
Упраздняет – и крест на них.

Время даже их след изгладит
Скоростным своим утюжком.
И оно же не в силах сладить
С чем, подумаешь! – со стишком.

Уж оно его так и этак
Норовит забвенью предать
И о том объявить в газетах
И по радио...

Глядь-поглядь,
За каким-то минучим сроком —
И у времени с языка
Вдруг срывается ненароком
Из того же стишка —
Строка.

В случае главной утопии

В случае главной утопии, —
В Азии этой, в Европе ли, —
Нам-то она не гроза:
Пожили, водочки попили,
Будет уже за глаза...

Жаль, вроде песни той, – деточек,
Мальчиков наших да девочек,
Всея неоглядной красоты...
Ранних весенних веточек
В капельках первой росы...

1969

Все́му свой ряд, и лад, и срок

Все́му свой ряд, и лад, и срок:
В один присест, бывало,
Катал я в рифму по сто строк,
И все казалось мало.

Был неогляден день с утра,
А нынче дело к ночи...
Болтливость – старости сестра, —
Короче.
Покороче.

1969

Нет ничего, что раз и навсегда

Нет ничего, что раз и навсегда
На свете было б выражено словом.
Все, как в любви, для нас предстанет

НОВЫМ,

Когда настанет наша черед.

Не новость, что сменяет зиму лето,
Весна и осень в свой приходят срок.
Но пусть все это пето-перепето,
Да нам-то что! Нам как бы невдомек.

Все в этом мире – только быть

на страже —

Полным-полно своей, не привозной,
Ничьей и невостребованной даже,
Заждавшейся поэта новизной.

1969

Что нужно, чтобы жить с умом?

Что нужно, чтобы жить с умом?
Понять свою планиду:
Найти себя в себе самом
И не терять из виду.

И труд свой пристально любя, —
Он всех основ основа, —
Сурово спрашивать с себя,
С других не столь сурово.

Хоть про сейчас, хоть про запас,
Но делать так работу,
Чтоб жить да жить,
Но каждый час
Готовым быть к отлету.

И не терзаться – ах да ох —
Что, близкий или дальний, —
Он все равно тебя врасплох
Застигнет, час летальный.

Аминь! Спокойно ставь печать,
Той вопреки оглядке:
Уж если в ней одной печаль, —
Так, значит, все в порядке.

<1969>

Ты дура, смерть: грозишься людям

Ты дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной пустотой,
А мы условились, что будем
И за твоею жить чертой.

И за твоею мглой безгласной,
Мы – здесь, с живыми заодно.
Мы только врозь тебе подвластны, —
Иного смерти не дано.

И, нашей связаны порукой,
Мы вместе знаем чудеса:
Мы слышим в вечности друг друга
И различаем голоса.

И как бы ни был провод тонок —
Между своими связь жива.
Ты это слышишь, друг-потомок?
Ты подтвердишь мои слова?..

О сущем

Мне славы тлен – без интереса
И власти мелочная страсть.
Но мне от утреннего леса
Нужна моя на свете часть;
От уходящей в детство стежки
В бору пахучей конопли;
От той березовой сережки,
Что майский дождь прибьет в пыли;
От моря, моющего с пеной
Камень теплых берегов;
От песни той, что юность пела
В свой век – особый из веков;
И от беды и от победы —
Любой людской – нужна мне часть,
Чтоб видеть все и все изведать,
Всему не издали учась...
И не таю еще признанья:
Мне нужно, дорого до слез
В итоге – твердое сознание,
Что честно я тянул мой воз.

1957–1958

Поэмы

Страна Муравия

Глава 1

С утра на полдень едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон
И сверху – облака.

Тоскуя о родном тепле,
Цепочкою вдали
Летят, – а что тут на земле,
Не знают журавли...

У перевоза стук колес,
Сбой, гомон, топот ног.
Идет народ, ползет обоз,
Старик паромщик взмок.

Паром скрипит, канат трещит,
Народ стоит бочком,
Уполномоченный спешит,

И баба с сундучком.

Паром идет, как карусель,
Кружась от быстрины.
Гармошку плотничья артель
Везет на край страны...

Гудят над полем провода,
Столбы вперед бегут,
Гремят по рельсам поезда,
И воды вдаль текут.

И шапки пены снеговой
Белеют у кустов,
И пахнет смолкой молодой
Березовый листок.

И в мире – тысячи путей
И тысячи дорог.
И едет, едет по своей
Никита Моргунок.

Бредет в оглоблях серый конь
Под расписной дугой,
И крепко стянута супонь
Хозяйскою рукой.

Дегтярку сзади привязал,
Засунул кнут у ног,

Как будто в город, на базар,
Собрался Моргунок.

Умытый в бане, наряжен
В пиджак и сапоги,
Как будто в гости едет он,
К родне на пироги.

И двор – далеко за спиной,
Бегут вперед столбы.
Ни хаты не видать родной,
Ни крыши, ни трубы...

По ветру тянется дымок
С ольхового куста.
– Прощайте, – машет Моргунок, —
Отцовские места!..

Глава 2

Из-за горы навстречу шло
Золотоглавое село.

Здесь проходил, как говорят,
В Москву Наполеон.
Здесь тридцать восемь лет назад
Никита был крещен.

Здесь бухали колокола
На двадцать деревень,
Престол и ярмарка была
В зеленый духов день.

И первым был из всех дворов
Двор – к большаку лицом,
И вывеска «Илья Бугров»
Сипела над крыльцом...

Никита ехал прямиком.
И вдруг – среди села —
Не то базар, не то погром, —
Веселые дела!

Народ гуляет под гармонь,
Оглобель – лес густой,
Коней завидя, сбился конь...
Выходят люди:
– Стой!..

– Стой, нет пощады никому,
И честь для всех одна:
Гуляй на свадьбе, потому —
Последняя она...

Кто за рукав,
Кто за полу, —

Ведут Никиту
В дом, к столу.

Ввели и – чарку – стук ему!
И не дыши – до дна!
– Гуляй на свадьбе, потому —
Последняя она...

И лез хозяин через стол:
– Моя хата —
Мой простор.
Становись, сынок, на лавку,
Пей, гуляй,
Справляй престол!..

Веселитесь, пейте, люди,
Все одно:
Что в бутылке,
Что на блюде —
Чье оно?

Чья скотинка?
Чей амбар?
Чей на полке
Самовар?..

За столом, как в бане, тесно,
Моргунок стирает пот,
Где жених тут, где невеста,

Где тут свадьба? – Не поймет.

А хозяин без заминки

Наливает по другой.

– Тут и свадьба и поминки —

Все на свете, дорогой.

С неохотой, еле-еле

Выпил чарку Моргунок.

Гости ели, пили, пели,

Говорили, кто что мог...

– Что за помин?

– Помин общий.

– Кто гуляет?

– Кулаки!

Поминаем душ усопших,

Что пошли на Соловки.

– Их не били, не вязали,

Не пытали пытками,

Их везли, везли возами

С детьми и пожитками.

А кто сам не шел из хаты,

Кто кидался в обмороки, —

Милицейские ребята

Выводили под руки...

– Будет нам пить,

Будет дурить...

– Иисус Христос
Чудеса творил...

– А кто платил,
Когда я да не платил?..

– Отчего ты, божья птичка,
Хлебных зерен не клюешь?
Отчего ты, невеличка,
Звонких песен не поешь?

Отвечает эта птичка:

– Жить я в клетке не хочу.
Отворите мне темницу,
Я на волю полечу...

– Будет нам пить,
Будет дурить.
Пора бы нам одуматься,
Пойти домой, задуматься:
Что завтра пропить?

– Иисус Христос
По воде ходил...

– А кто платил,
Когда я не платил?

За каждый стог,
Что в поле метал,
За каждый рог,
Что в хлеву держал,
За каждый воз,
Что с поля привез,
За собачий хвост,
За кошачий хвост,
За тень от избы,
За дым от трубы,
За свет и за мрак,
И за просто, и за так...

– Знаем! Сам ты не дурак,
Хлеб-то в воду ночью свез:
Мол, ни мне, ни псу под хвост.
Знаем! Сами не глупей.
Пей да ешь, ешь да пей!

– Сорок лет тому назад
Жил да был один солдат.
Тут как раз холера шла,
В день катала полсела.
Изо всех один солдат
Жив остался, говорят.
Пил да ел, как богатырь,
И по всем читал псалтырь,
Водку в миску наливал,
Делал тюрьку и хлебал,

Все погибли, а солдат
Тем и спасся, говорят.

– Трулля-трулля-трулля-ши!..
Пропил батька лемеши,
А сынок —
Топорок,
А дочушка —
Гребенек,
А матушка,
Того роду,
Пропила
Сковоро́ду.
Па-алезла под печь:
«Сынок, блинов нечем печь...»

– Все кричат, а я молчу:
Все одно – безделье.
А Илье-то Кузьмичу —
Слезки, не веселье...

– Подноси, вытаскивай,
Угощенье ставь!

– До чего он ласковый,
Добродушный стал.

Дескать, мы ж друзья-дружки,
Старые соседи.

Мол, со мной на Соловки
Все село поедет...

– Слышь, хозяин, не жалей
Божью птичку в клетке.
Заливай, пои гостей,
Дыхай напоследки!..

Загудели гости смутно,
Встал, шатаясь, Моргунок,
Будто пьян, на воздух будто,
Потихоньку – за порог.

Над дорогой пыль висела,
Не стихал собачий лай.
Ругань, песни...

– Трогай, Серый.
Где-нибудь да будет край...

Глава 3

Далеко стихнуло село,
И кнут остыл в руке,
И синевой заволокло,
Замглилось вдалеке.

И раскидало конский хвост
Внезапным ветерком,
И глухо, как огромный мост,
Простукал где-то гром.

И дождь поспешный, молодой,
Закапал невпопад.
Запахло летнею водой,
Землей, как год назад...

И по-ребячьи Моргунок
Вдруг протянул ладонь.
И, голову склонивши вбок,
Был строг и грустен конь.

То конь был – нет таких коней!
Не конь, а человек.
Бывало, свадьбу за пять дней
Почует, роет снег.

Земля, семья, изба и печь,
И каждый гвоздь в стене,
Портянки с ног, рубаха с плеч —
Держались на коне.

Как руку правую, коня,
Как глаз во лбу, берег
От вора, мора и огня
Никита Моргунок.

И в ночь, как съехать со двора,
С конем был разговор,
Что все равно не ждать добра,
Что без коня – не двор;
Что вместе жили столько лет,
Что восемь бед – один ответ.

А конь дорогою одной
Везет себе вперед.
Над потемневшею спиной
Белесый пар идет.

Дождь перешел. Следы копыт
Наполнены водой.
Кривая радуга висит
Над самою дугой...

День на исходе. Моргунку
Заехать нужно к свояку:
Остановиться на ночлег,
Проститься как-никак.
Душевной жизни человек
Был Моргунков свояк.
Дружили смолоду, с тех пор,
Как взяли замуж двух сестер.

Дружили двадцать лет они,
До первых до седин,

И песни нравились одни,
И разговор один...

Хозяин грустный гостю рад,
Встречает у ворот:
– Спасибо, брат. Уважил, брат. —
И на крыльцо ведет.

– Перед тобой душой открыт,
Друг первый и свояк:
Весна идет, земля горит, —
Решаться или как?..

А Моргунок ему в ответ:
– Друг первый и свояк!
Не весь в окошке белый свет,
Я полагаю так...

Но тот Никите говорит:
– А как же быть, свояк?
Весна идет, земля горит,
Бросать нельзя никак.

Сидят, как прежде, за столом.
И смолкли. Каждый о своем.

Забились дети по углам.
Хозяйка подает
С пчелиным «хлебом» пополам

В помятых сотах мед.

По чарке выпили. Сидят,
Как год, и два, и три назад.

Сидят невесело вдвоем,
Не поднимают глаз.
– Ну что ж, споем?..
– Давай споем
В последний, может, раз...

Дружили двадцать лет они,
До первых до седин,
И песни нравились одни,
И разговор один.

Посоловелье слегка,
На стол облокотясь,
Сидят, поют два мужика
В последний, значит, раз...

О чем поют? – рука к щеке,
Забылись глубоко.
О Волге ль матушке-реке,
Что где-то далеко?..

О той ли доле бедняка,
Что в рудники вела?..
О той ли жизни, что горька,

А все-таки мила?..

О чем поют, ведя рукой
И не скрывая слез?
О той ли девице, какой
Любить не довелось?..

А может, просто за столом
У свояка в избе
Поет Никита о своем
И плачет о себе.

У батьки, у матки
Родился Никита,
В церковной сторожке
Крестился Никита.

Семнадцати лет
Оженился Никита.
На хутор пошел,
Отделился Никита.

— В колхоз не желаю, —
Бодрился Никита.
До синего дыму
Напился Никита.

Семейство покинуть
Решился Никита...

Куда ж ты поехал,
Никита, Никита?

Глава 4

От деда слышал Моргунок —
Назначен срок всему:
Здоровью – срок, удаче – срок,
Богатству и уму.

Бывало, скажет в рифму дед,
Руками разведя:

– Как в двадцать лет
Силенки нет, —
Не будет, и не жди.
– Как в тридцать лет
Рассудка нет, —

Не будет, так ходи.
– Как в сорок лет
Зажитка нет, —
Так дальше не гляди...

Сам Моргунок, как все, сперва
Не верил в дедовы слова.

Хватился – где там двадцать лет! —
А богатырской силы нет.
И, может быть, была б она,
Когда б харчи да не война.

Глядит, проходят тридцать лет, —
Ума большого тоже нет.
А был бы ум, так по уму —
Богатство было бы ему.

Глядит, и скоро – сорок лет, —
Богатства нет, зажитка нет;
Чтоб хлебу на год вволю быть,
За сало салу заходить;

Чтоб быть с Бугровым запросто,
Всего того опричь:
«Здоров, Никита Федорыч!..» —
«Здоров, Илья Кузьмич!..»

А угостить, – так дым трубой,
Что хочешь ешь и пей!
Чтоб рядом он сидел с тобой
На лавке на твоей;

Чтоб толковать о том о сем,
Зажмурясь песни петь,
Под ручку чтоб, да с ним вдвоем
Пойти хлеба смотреть...

И предсказанью скоро срок,
А жил негромко Моргунок.

Был Моргунок не так умен,
Не так хитер и смел,
Но полагал, что крепко он
Знал то, чего хотел...

Ведет дорога длинная
Туда, где быть должна
Муравия, старинная
Муравская страна.

И в стороне далекой той —
Знал точно Моргунок —
Стоит на горочке крутой,
Как кустик, хуторок.

Земля в длину и в ширину —
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та – твоя.

И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.
Косить пошел – покашивай,
Поехал – поезжай.

И все твое перед тобой,
Ходи себе, поплеывай.
Колодец твой, и ельник твой,
И шишки все еловые.

Весь год – и летом и зимой,
Ныряют утки в озере.
И никакой, ни боже мой, —
Коммунии, колхозии!..

И всем крестьянским правилам
Муравия верна.
Муравия, Муравия!
Хо-рошая страна!..

И едет, едет, едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон
И сверху – облака.

По склонам шубою взялись
Густые зеленыя,
И у березы полный лист
Раскрылся за два дня.

И розоватой пеной сок
Течет со свежих пней.
Чем дальше едет Моргунок,
Тем поле зеленей.

И день по-летнему горяч,
Конь звякает уздой.
Вдали взлетает грузный грач
Над первой бороздой.

Пласты ложатся поперек
Затравеневших меж.
Земля крошится, как пирог, —
Хоть подбирай и ешь.

И над полями голубой
Весенний пар встает.
И трактор водит за собой
Толпу, как хоровод.

Белеют на поле мешки
С подвезенным зерном.
И старики посеvщики
Становятся рядком.

Молитву, речь ли говорят
У поднятой земли.
И вот, откинувшись назад,
Пошли, пошли, пошли...

За плугом плуг проходит вслед,
Вдоль – из конца в конец.
– Тпру, конь!.. Колхозники ай нет?..

– Колхозники, отец...

Чуть веет вешний ветерок,
Листою шевеля.
Чем дальше едет Моргунок,
Тем радостней земля.

Земля!..
От влаги снеговой
Она еще свежа.
Она бродит сама собой
И дышит, как дежа.

Земля!..
Она бежит, бежит
На тыщи верст вперед.
Над нею жаворонок дрожит
И про нее поет.

Земля!
Все краше и видней
Она вокруг лежит.
И лучше счастья нет, – на ней
До самой смерти жить.

Земля!
На запад, на восток,
На север и на юг...
Припал бы, обнял Моргунок,

Да не хватает рук...

В пути проходит новый день.
Конь перепал и взмок.
Уже ни сел, ни деревень
Не знает Моргунок.

Глава 5

Большаком, по правой бровке,
Направляясь на восход,
Подпоясанный бечевкой
Шел занятный пешеход.

Добела забиты пылью
Сапожонки на плечах,
И лопатки, точно крылья,
Под подрясником торчат.

Из сапог глядят онучки,
За спиной гремит ларец...
— А, видать, тебя до ручки
Раскулачили, отец?..

Слово за слово. О боге
Речь заводит Моргунок.
Отпрягают у дороги,

Забираются в тенек.

— Эх, да по такой погоде
Зря ты ходишь-бродишь, поп.
Собирал бы дань в приходе,
Пчел глядел бы, сено греб...

— Где ж приход? Приходов нету.
Нету службы, нету треб.
Расползлись попы по свету,
На другой осели хлеб.

Тот на должности на писчей,
Тот иной нашел приют.
Ничего, довольны пищей.
Стихли, сникли и живут.

Ну, а я... Иду дорогой.
Не тяжел привычный труд!
Есть кой-где, что верят в бога, —
Нет попа,
А я и тут.

Там жених с невестой ждут, —
Нет попа,
А я и тут.

Там младенца берегут, —
Нет попа,

А я и тут.

Нет купели,
Есть камья,
Нет попа,
А вот он я!..

Что калужского портного,
За неделю ждут меня.
Мне бы только, право слово,
Заиметь теперь коня...

Хорошо в тени, прохладно.
Поп кошелку шевелит.
Развязал – и этак складно
Припеваает-говорит:

– Тут селедочка
Была, была, была,
Что молодочка
Дала, дала, дала...

Тут и соточка
Лежит – не убежит...
Эх ты, сукин сын
Камаринский мужик!..

Моргунок, уставясь косо,
Ладно, думает, молчи.

Ничего, что батя босый, —
Подходящие харчи...

Не святой и не угодник,
Не подвижник, не монах, —
Был он просто поп-отходник,
Яко наг и яко благ.

– На гумне служу обедню,
Постным маслом мажу лоб.
Николай был царь последний,
Митрофан – последний поп.

Занимаю под приходом
Всю епархию кругом.
Хочешь так: твоя – подвода,
Мой – инструмент?..
Проживем!..

Моргунок утерся строго:
– Не гляди, что выпил я...
У тебя своя дорога,
У меня, отец, – своя.

На своем коне с дугой
Ехать подходяще:
Всякий видит, кто такой, —
Житель настоящий.

На своем коне с дугой
Ехать знаменито.
Остановят: – Кто такой?
– Моргунов Никита.

В чужедальной стороне
Едешь, смотришь смело:
Раз ты едешь на коне,
Значит, едешь делом.

Самому себе с конем
Позабыться впору.

Будто в гости едешь – днем,
Ночью – будто в город.

Не охотник яйца я
Собирать на бога.
У меня, отец, своя
Дальняя дорога...

Глава 6

От ночлега до ночлега
Едет ровно Моргунок.
У дороги, под телегой,
Своя хата-потолок.

На огне трещит валежник
Робко, будто под ногой.
Двое возчиков проезжих
Сонно смотрят на огонь.

С неизвестным разным человеком
Сводит ночью огонек.
Кто такие и откуда —
Знать не знает Моргунок.

Спит не спит, лежит Никита,
Слышен скрип и хруст травы.
Глухо тукают копыта
Возле самой головы.

Поправляет головешки
Освещенная рука.
Голос тянется неспешный,
Как шаги издалека:

– Окна – в землю,
Крыша – набок,
Гнезда галочки в трубе.
Как бы в сказке, дед да баба
Жили век в своей избе.

Баба пряла у окошка,
Дед с утра на рыбу шел,

И была в хозяйстве кошка,
Курочка да петушок.

Жили старые помалу
На отлете от села.
А весною небывало
Высока вода была.

Шла весна в могучей силе,
По ночам крошила снег.
Разлились по всей России
Воды всех морей и рек... —

Спит не спит, лежит Никита,
Дрема поверху идет.
Голос ровный, домовитый
Сказку бережно ведет:

— Все — в колхозы.
Дед — ни с места
На тринадцатом году:
«Из своей избы, известно,
Никуда я не пойду».
Что, мол, жить мне на народе,
И какой мне в этом прок?..

А вода к крыльцу подходит,
Бьет волною о порог.
Поплыли плетни, солома,

Огородов – будто нет.

День за днем проводит дома,
Очищает лыки дед.

И случилась эта сказка
Возле нашего села:
Подняла вода избушку,
Как кораблик, понесла.
Поднимает выше, выше,
Гонит окнами вперед.
Петушок кричит на крыше,
Из трубы дымок идет.
И качаются, как в зыбке,
Дед и баба за стеной.

Принесло избу под липки —
К нам в усадьбу —
Тут и стой...

Спали воды. Стало сухо.
Смотрит дед – на солнце дверь:
«Ну, тому бывать, старуха,
Жить нам заново теперь...»

Спит не спит Никита, дремлет
С картузом под головой.
Теплым телом греет землю
Под примятою травой.

На армяк роса осела.
Гаснут звезды в вышине.
И тепло вздыхает Серый
За кустами в стороне.

Тянет свежестью рассвета.
Спит дорога. Тишина.
Далеко-далеко где-то
Спит Муравская страна...

Глава 7

Как с юга к северу трава
В кипучий срок весны,
От моря к морю шла молва
По всем краям страны.

Молва растет, что ночь, что день,
Катится в даль и глушь,
И ждут сто тысяч деревень,
Сто миллионов душ.

Нет, никогда, как в этот год,
В тревоге и борьбе,
Не ждал, не думал так народ
О жизни, о себе...

Росла, невнятная сперва,
Неслась, как радио, молва,
Как отголосок по лесам,
Бежала по стране,
Что едет Сталин, едет сам
На вороном коне.

Вдоль синих вод, холмов, полей,
Проселком, большаком,
В шинели, с трубочкой своей,
Он едет прямиком.

В одном краю,
В другом краю
Глядит, с людьми беседует
И пишет в книжечку свою
Подробно все, что следует.
И будто он невдалеке
Коня того поил в реке.

А то еще у старика
Спросил он ночью огонька.
А этот сторож-старичок
Увидел – кто, а сам молчок:
Порасспросить его хотел
Насчет войны и прочих дел...

За гатью – мост,

За взгорьем – склон,
Дымок по ветерку...
И, может, прямо едет он
Навстречу Моргунку.

И все, что на душе берег,
С чем в этот год заснуть не мог,
С чем утром встал и на ночь лег,
С чем ел не впрок
И пил не впрок, —
Все вновь обдумал Моргунок...

– Товарищ Сталин!
Дай ответ,
Чтоб люди зря не спорили:
Конец предвидится ай нет
Всей этой суетории?..

И жизнь – на слом,
И все на слом —
Под корень, подчистую.
А что к хорошему идем,
Так я не протестую.

Ты слушай, выслушай меня,
Коснемся, например, коня.

И склад хорош, и статья легка,
В монету весь одет.

Под Ворошиловым конька
Такого, может, нет.

На конной в Ельне куплен был,
С дороги перепал,
Стоит – и шею опустил, —
Ну, думаю, попал!..

Блестит в корытечке вода,
Свищу, свищу – не пьет,
Не ест. И вижу я тогда,
Что дело не поет...

А как я вышел поутру,
С постели – босиком,
Иду, а он впотьмах: хруп-хруп...
Стой, думаю, живем!..

Теперь мне тридцать восемь лет.
Два года впереди.
А в сорок лет – зажитка нет,
Так дальше не гляди.

И при хозяйстве, как сейчас,
Да при коне —
Своим двором пожить хоть раз
Хотелось мне.

Земля в длину и в ширину —

Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та – твоя.

Пожить бы так чуть-чуть...
А там —
В колхоз приду,
Подписку дам!

И с тем согласен я сполна,
Что будет жизнь отличная.
И у меня к тебе одна
Имелась просьба личная.

Вот я, Никита Моргунок,
Прошу, товарищ Сталин,
Чтоб и меня и хуторок
Покамест что... оставить.

И объявить: мол, так и так, —
Чтоб зря не обижали, —
Оставлен, мол, такой чудак
Один во всей державе...

В пути, в неизвестном краю,
Забыв про все, Никита
Слагал, как песню, речь свою
Душевно и открыто...

Страна родная велика.
Весна! Великий год!..
И надо всей страной – рука,
Зовущая вперед.

Глава 8

И деревням и верстам счет
Оставил человек,
И конь покорно воду пьет
Из неизвестных рек.

Дорога тянется вдали.
И грусть теснит в груди:
Как много неба и земли
Осталось позади.

И весь в пыли, как хлеб в золе,
Никита Моргунок.
На всей планете, на Земле,
Один такой ездок.

И порыжел на нем пиджак, —
Дорога далека.
Днем едет, терпит кое-как,
А к вечеру – тоска.

Сквозь тишину и холодок
Повеет ночь жильем.
И куст – он дома, и пенек
На месте на своем.

А ты скитайся, разъезжай,
Сам при себе, один...
Вдруг слышит:
– Добрый гражданин,
А, добрый гражданин!..

И видит: нищий, чуть прикрыт,
Почти что босиком.
– Подвез бы, что ли, – говорит
Обиженным баском.

И мальчик, точно со слепым,
Идет по праву руку с ним.

И нищий злобно смотрит вслед:
– Забогател, сосед?..
Глядит – и обмер Моргунок:
– Илья Кузьмич? Ай нет?..

– Годов полсотни был Илья,
Да нынче стал не я.
Что видишь, только малец мой,
А шапка не моя.
Вот брат. Такая, брат, пора.

Кромешный год такой...

– Тпру!.. Правду говорят, гора
Не сходится с горой...

Коня стреножил Моргунок,
Прибрал хомут, дугу.
Оглобли – кверху. Огонек
Заговорил в кругу.

– Эх, холодна небось земля,
Погреться будет впрок. —
И достает из кошеля
Литровку Моргунок.

– Ну что ж, Илья Кузьмич, начнем?
Что есть. Прошу простить.
Тебя когда-то за столом
Мечтал я угостить.

Пей, грейся, гость. Как другу верь, —
Соседи были все ж...
А вот откуда ж ты теперь,
Илья Кузьмич, бредешь?..

– Бреду *оттуда*...
– Что ж там? Как?
– Да так. Хороший край.
В лесу, в снегу, стоит барак,

Ложись и помирай.

– Так, так, Илья Кузьмич...

А все ж —

Тут злость своя нужна:

Что скажут – делай, – дескать, врешь,

Работа не страшна.

– Нет, брат, спасибо за совет.

Не страшен был бы труд,

Да смысла нет.

– А ты начни!

– Да мочи нет...

– А ты тяни!

– Да руки не берут.

Никита слушал и коня

Из вида не терял.

Мальчишка, млея у огня,

Тихонько засыпал.

Куда он, малец, гол и бос,

Шел по свету с отцом,

Суму на перевязи нес

С жестяным котелком?..

– А что, – пожал отец плечом, —

Не страшно до зимы.

Где так попросим, где споем, —

Петь научились мы.

Эх, брат, – вздохнул, ложась, Бугров, —
В последний этот год
Еще б таких наделать дров, —
Земли переворот!..

На колокольни встать бы, брат,
И сверху б – в добрый час —
На всю Россию бить набат!
– Да не во что как раз...

Спал Моргунок и знал во сне,
Что рядом спит сосед.
И, как сквозь воду, в стороне
Конь будто ржал под свет...

Вскочил, закоченелый весь,
Глядит – пропал сосед.
Телега здесь, и мальчик здесь.
А конь?.. Коня – и нет...

Никита бросился в кусты,
Высматривая след.
Туда-сюда. И след простыл.
Коня и вправду нет.

И место видно у огня,
Где ночью спал сосед,

В траве окурки. А коня
И нет. И вовсе нет.

И заняла дыханье боль,
И точно высох рот.
Позвать попробовал:
– Псель-псель... —
И губ не соберет.

– Псель-псель... —
И тишина кругом.
Туман. Глухой рассвет...

Вот бросил он семью и дом,
Уехал в белый свет.

Вот все, что думал, – все не в счет.
Вот прожил столько лет...

Туман встает,
Роса ползет.
День. А коня-то нет...
Коня-то нет...
– Вставай, пострел!
Замерз небось, беглец.
Пока ты спал да сны смотрел,
Сменял тебя отец.

Сменял – и серого коня

С уздечкой получил.
Тебя обидел, а меня
Навеки научил.
Я угощал его, любя,
Считал – в беде сосед...
А ты не бойся: бить тебя
Теперь мне пользы нет...

Короток день, а путь далек,
А солнце – где уже!..
Переобулся Моргунок,
И легче на душе.
Собрал шлею, кошель и кнут,
Переменил чеку;
Колеса смазал, подоткнул
Поклажу к передку.

Короток день, а путь далек,
Хоть воз не так тяжел.
И влез в оглобли Моргунок,
А мальчик вслед пошел...

Глава 9

Под уклон, гремя с разбега,
Едет – просто чудеса! —
Без коня сама телега,

Все четыре колеса.

И, кого ни встретит, всякий
Долго-долго смотрит вслед.
А увяжутся собаки —
Три версты отбою нет.

Моргунок гремит с телегой
В неизвестной стороне:
– Не видали ль человека
На копейчатом коне?

Моргунок волочит ноги
Тяжело, и, как назло,
Растянулось вдоль дороги
Бесконечное село.

Никуда от глаз не скрыться,
На виду мужик у всех.
По окошкам липнут лица.
Лай собачий, – смех и грех.

Моргунок везет понуро,
Не ворочаться ж назад.
Шум, смятенье, даже куры
Растревоженно кричат.

Дальше – к мосту – скат крутой,
Поскорей бы с глаз долой!

И пошел, пошел с разбега,
Только грохот поднялся.
Пропадай, моя телега,
Все четыре колеса.

За мостом дорога в гору,
Позади, в пыли густой:
– Стой! – кричат, как будто вору. —
Стой! Стой!..

Подбегают:
– Стой-ка, дед!
Заворачивай в Совет.

И народ кругом посыпал,
Рассуждая горячо:
– Мало, что ли, всяких типов,
Поглядишь, а тут еще...

– На поселке нищий в бане
Двое суток ночевал:
С золотыми был зубами —
Вроде бывший генерал...

И, упершись в грядки, миром
Помогают Моргунку.
– Только ты не бегай, милый...
– Да куда я побегу?..

В сельсовете председатель
Предложил на лавку сесть
И сказал учтиво:
– Дайте
Документы, если есть.

Из-за ворота рубахи
Тащит целый узелок,
Достает свои бумаги
Никита Моргунок.

Бумаги пожелтелые,
Как деньги – еле целые,
Зацапанные, мазаные,
Крест-накрест перевязанные.

– Вот при одной коровке
Семья моя – семь душ.
И хлебозаготовки,
И лесозаготовки,
И страх,
И труд,
И гуж.
И двор со всей скотиной,
И хата в три окна.
Единый —
Семь с полтиной, —
Уплаченный сполна.

Деревня Васильково,
Каспьянский сельсовет,
И карточка конева,
А вот коня – и нет...

– Ну что ж, понятно в целом,
Одно неясно мне:
Без никакого дела
Ты едешь по стране.
Вот, брат! – И председатель
Потер в раздумье нос:
– Ну, был бы ты писатель,
Тогда другой вопрос.
Езжай! И в самом деле,
Чего с тебя возьмешь?
– А что ж, у вас – артели?
– Кругом артели. Сплошь.

И гремит телега снова,
Застилая пылью след...

– Не видали ль верхового?.. —
Отвечают:
– Что-то нет...

Моргунок телегу тянет.
Плечи стертые горят...
– Братцы! Где тут есть цыгане?
– Вон, в колхозе, – говорят.

Глава 10

Знал Никита Моргунок
Правило простое,
Что медведь блинов не пек,
Волк двора не строил.

Удивился Моргунок,
Видит: на поляне
Ходят вдоль и поперек
С косами цыгане.

Косят, словно мужики,
Ряд за рядом ходят.
Только носят оселки
Не по форме вроде.

Пахнет медом и росой,
Добрая работа!
Самому пройти с косой
Моргунку охота.

Хороша, густа трава,
Самый срок и время,
Да забита голова
Думами не теми.

Так и так. Иду полдня.
Карточка в кармане...
– Воротите мне коня,
Граждане цыгане.

– Так и быть, – сказал один, —
Ты – мужик хороший.

Заявляю – отдадим,
Как признаешь лошадь,

Сено свежее пока
На покосе вянет,
На конюшню Моргунка
Привели цыгане.

Попросили Моргунка
Чуть посторониться, —
Конь выходит из станка,
Гладкий, точно птица.

Конь невиданной красы,
Уши ходят, как часы.

Конь хорош, и, что хорош,
Сам об этом знает.
– Ну, хозяин, признаешь?
Признавай, хозяин!

Попросили Моргунка
Постоять снаружи.
И выходит из станка
Конь второй – не хуже.

На спине играет дрожь,
Шея – вырезная.
– Ну, хозяин, признаешь?
Признавай, хозяин!

Попросили Моргунка
Отойти немного.
И выводят из станка
Жеребца, как бога.

Корпус, ноги – все отдай.
Шерсть блестит сквозная.
– Ну, хозяин, признавай,
Признавай, хозяин!

– Извиняюсь, не могу, —
Врать, мол, нет расчета.
– То-то, – пальцем Моргунку
Погрозили, – то-то...

Он оглобли подвязал
Кверху, для ночлега:
– Завтра, малец, на базар

За конем. С телегой.

– Дядь, зовут нас. Слышишь, дядь?

Дескать, места хватит.

– Не желаю ночевать

Я в цыганской хате.

Ночь. Затих в загоне скот.

Пахнет пыль золою.

И цыганское встает

Солнце над землею.

И звенит во тьме комар

Тоненько, знакомо,

Как остывший самовар

После бани, дома.

И, вздохнув, на правый бок

Повернулся Моргунок.

Но не спится Моргунку

И на правом на боку.

Комариный звон в тиши,

Замирая, тонет...

«До чего же хороши,

Боже ты мой, кони!»

И, вздохнув, на левый бок

Повернулся Моргунок.

Но не спится Моргунку
И на левом на боку.

И, подумав, Моргунок
Бородою к звездам лег.

Кони рядом. И спроста
Ненадежно спрятаны:
Из соломы ворота
Лыком запечатаны.

Моргунок лежит, сопя,
Рассуждает про себя:
– Лошадей цыгане крали?
– Крали.
– Испокон веков у всех?
– У всех.
– А у них теперь нельзя ли?
У цыган? Не грех?
– Не грех...

Не ложится на спине,
Точно спит на бороне.
Встал и бережно пошел
За сарай. До ветру, мол...

Слышит – близко за спиной

Осторожный шорох.
– Что за люди? Кто такой? —
Спрашивает сторож.

– Я до ветру, – как урок,
Отвечал Никита.
И для виду все, что мог,
Справил деловито.

– Значит, ходишь по часам?
– Надо, милый, надо...

– Эхе-хе-хе-хе!.. – А сам —
Задом,
 задом,
 задом...

Сапоги надел скорей,
Хоть на босу ногу,
И с телегою своей
Тронулся в дорогу...

Глава 11

Большаком три ночи и три дня
Ехала телега без коня.

И шутил невесело мужик,
Что к коневой должности привык.

– Подучусь, как день еще пройду,
Все, что надо, делать на ходу.

А овсом питаться – не беда:
Попадала в хлеб и лебеда.

Стоя спать – уменя мало здесь.
Приходилось спать – и лапти плести!

В неизвестный город большаком
Шла телега вслед за мужиком...

От куста идут и до куста,
От моста до нового моста.

От пятьсот девятого столба
До пятьсот десятого столба.

Далека родная сторона!
Что там баба делает одна?..

Ждет она хозяина с конем,
Знать она не знает ни о чем,
Как идет с телегой Моргунок
По одной из тысячи дорог...

Вышел в поле тракторный отряд,
По путям грохочет скорый поезд,
Самолеты по небу летят,
Ледоколы огибают полюс...

И, по-конски терпелив и строг,
Волокет телегу Моргунок.

Мальчик – ни на шаг от мужика...
Пусть идет – дорога широка.

Так идут, идут и слышат вдруг
Впереди, вдали копытный стук,
Будто в ступе коноплю толкут,
Будто бабы где-то кросна бьют.

Отголосок стороной идет,
И ездок покажется вот-вот...

Гоп-та-тах!.. – И перед Моргунком
На коне,
На сером,
Поп верхом!..

Поп назад откинулся, сдержал,
Конь узнал хозяина, заржал.

Но в одну минуту Моргунок
Из оглобель выскочить не мог,

Он ремни распутывал, а поп —
Повернул коня и дал в галоп.

То ли поп коня того купил.
То ли вор у вора утащил...

– Стой!.. – бежит Никита за конем,
Сапоги, пиджак горят на нем.

Сбилась шапка мокрая на лоб,
Вверх и вниз в глазах ныряет поп.

– Стой!.. – кричит, бежит Никита вслед.
Голосу в груди и духу нет.

Он бежит, и замирает «сто-й!»
На дороге пыльной и пустой.

И, как рану, зажимая бок,
Падает на землю Моргунок.

Он лежит, как мертвый, недвижим,
Но земля сама бежит под ним.

Обернулись реки и мосты,
Вверх ногами – травы и кусты.

Но уже далече скачет поп,
Пропадает за холмами топ.

Тише, тише движется земля,
По местам становятся поля...

И лежит Никита Моргунок
На одной из тысячи дорог...

Пыль по-над дорогой незаметнее,
Вечер начинается вдали.
И березы старые, столетние
Опустили ветви до земли.
Тишина хорошая кругом...

– Дядь, вставай,
А, дядь?..
Вставай. Пойдем...

Глава 12

Деловито, не сердито
Меж палаток, меж подвод
Пробирается Никита:
– Дайте, граждане, проход.

И, встречая, обступая,
Любопытствует народ:
То ль коня он покупает,

То ль телегу продает?

– Погодите, не толкуйте,
Братцы, горе у меня:
На базар служитель культа
Моего угнал коня...

К конной привязи, в тени
Заезжает Моргунок.

И пошел бродить на счастье
По базару взад-вперед.
Что ни лошадь серой масти, —
Сердце дрогнет и замрет.

Много серых и красивых,
Только равных нет коней:
То подсеченная грива,
То монета покрупней...

На лотках блестят селедки,
Солнце жарит пирожки.
Старичок с лихой бородкой
Кнутовьем звонит в горшки:

– Николаевская глина,
Отдаю за просто так:
С одноличницы – полтина,
С коммунарки – четвертак!

Площадь залита народом,
Площадь ходит хороводом,
Площадь до краев полна,
Площадь пляшет, как волна.

— Расступись, давай проход, —
Жеребца артель ведет.
Как на выставке – проводят,
Уходи, живые, прочь!
Двое виснут на поводьях,
Трое ладятся помочь.

Мундштуки в горячем мыле,
Благородный карий глаз...
– Кто купил?
– Мы купили.
– Сколько дали?
– Хватит с нас.

Гомонит, гудит базар,
Девки, бабы – по возам.

Подбирают кони сено,
Шевелят сухой овес;
И шумит парная пена,
Остывая у колес.

В сюртуке старик усатый

За рога ведет козу.
Жарко дышат поросята
В тесной клетке на возу.

И идет от воза к возу,
Не смолкает говор, гам.
Пахнет сеном и навозом,
С «центроспиртом» пополам.

От жары укрыт, от пыли,
У ограды нищий ряд.
Тут остатние слепые
И убогие сидят.

Песня слышится сквозь гомон,
Оборвется – и опять...
Голос будто бы знакомый,
Только слов не разобрать.

Подошел, с другими рядом
Стал и видит Моргунок:
Грузный нищий – у ограды,
Шапка с медью – между ног.

Поводырь с восковым личиком
Сидит плечо к плечу:
– ...Отвечает эта птичка:
«Жить я в клетке не хочу.
Отворите мне темницу,

Я на волю полечу...»

У певца глаза закрыты,
Голос набожно-суров.
Ахнул, чуть не сел Никита:
– Сукин сын! Илья Бугров!

И, точно сами, две руки
Вперед рванулись:
– Стой!.. —
И раскатились пятаки,
Гремя по мостовой.

И Моргунок, как мех сопя,
Подмял слепого под себя.
Народ бежит со всех сторон:
– Слепого бьют... Разбой!..
– Да как же, братцы, – зрячий он.
– Ей-богу, был слепой.

Бугров, карабкаясь, хрипит:
– Пусти!.. Пусти меня.
Пусти, сосед. Скажу, Никит,
Чего-то про коня...

– Скажи, – нагнулся Моргунок, —
Скажи, пока не бью.
– Пусти, Никит... Скорей!.. Свисток!..
Обоих – в Гепею.

- Скажи – пушу.
- Скажу потом.
- Давай сейчас, злодей!
- Скажу. В сторонку отойдем,
Чтоб без чужих людей.

Не дома, в праздничный денек
На хуторе своем,
Идет под ручку Моргунок
С Ильею Кузьмичом.

Ведет Бугрова Моргунок:

- Дорогу дай, народ. —
Ведет, и шапку, как залог,
Слепецкую несет.

Идут, шатаясь, вразнобой,
Пьяны средь бела дня.
Грозит им пальцем поставой:
– Смотрите у меня!..

И говорит Илья Бугров

Тихонько Моргунку:

- Чудак ты, конь твой жив-здоров,
Поклясться в том могу.

И вдруг, не ахнул Моргунок.

- Стой! – закричал Бугров

И сквозь толпу рванулся вбок:

– Стой! Стой! Держи воров!..

– Стой!

– Братцы, братцы! – вскрикнул вслед

И всхлипнул Моргунок.

И ни коня, ни вора нет, —

В руках один залог.

Туда-сюда. Базар кругом,

Колышется народ.

Уже о чем-то о другом

Толкует и орет.

– Ну что ж... Спасибо, сукин сын:

Последний дал урок. —

И шмякнул шапку что есть сил

Никита Моргунок.

Глава 13

Вдоль дороги рожь бежала,

Над дорогой пыль дрожала,

Плыл дымок...

Ехал парень моложавый,

Кучерявый паренек.

Кучерявый паренек,
На затылке козырек.

Ехал парень хватом,
Девкам песни вез,
В елку след печатал
Шпорами колес.

Получил на курсах трактор
Кучерявый паренек,
Изучил *четыре такта*,
Заводить и править мог.

И смешно, да не до смеха,
Хорошо, да сам не рад,
Посадили – и поехал:
– Крой до места, трогай, брат.
Бога нету, говорят.

Не ломай деревья,
Не ворочай пни,
По пути в деревне
Угол не сверни.

Все в порядке. Едет парень.
За верстой идет верста.
Проезжает без аварий
Две деревни, три моста.

Руль одной рукою
Держит, как шофер.
Едет – что такое?
Смотрит – что за черт!

На припеке у дороги
Под телегой спит мужик.
Рядом мальчик босоногий
Кверху пятками лежит.

Слева, справа – нелюдимо,
Луговеет рыжий пар...
Проезжает парень мимо:
– Эй ты, дед, коня проспал!..

Спохватился Моргунок:
– А?.. Давно проспал, сынок.

И лежит он под телегой,
Как лежал.
Дескать, крой, а нам не к спеху,
Не пожар.

– Извиняюсь, бога нет.
Кто такой, откуда, дед?..

– Так и так. Длинна дорога.
Вот как выбился из сил...

– Ладно, дед. Нету бога,
Прицепляйся на буксир.

– Я не прочь, пожалуй,
Но одна статья:
За телегу, малый,
Опасаясь я...

– Отговариваться нечем,
Делай, дед. Решен вопрос...
За телегу сам отвечу, —
Своя кузня, свой колхоз.

Прицепились, едут.
Хороши дела.
И телега следом
Здорово пошла.

Едут, едут, едут,
Дым да стук кругом.
Едет парень с дедом,
Правит прямиком.

Руль одной рукою
Держит, как шофер.
Едет – что такое?
Слышит – что за черт?..

Слышит перебои,

Непохожий стук.
Трактор сам собою
Тормозится вдруг.

Парню до смерти неловко.
Эх ты, черт ее дери!
— Извиняюсь, остановка! —
Зайчик выскочил внутри...

Пот на лбу открытом
Выступил. Беда!
— Та-ак, — сказал Никита. —
Добрая езда...

Достает инструмент парень,
Сам заходит стороной,
Боязливо приступает,
Точно к лошади дурной.

Лезет парень под машину,
Об дорогу чешет спину,
Рукавом стирает пот,
В кепку болтики кладет.

Глубоко синеет небо,
Золотой стоит денек.
Двадцать лет монтером не был
Кучерявый паренек.

Не был батька, не был дед,
Не был прадед, бога нет!..

Бога нету, – несомненно:
Лет пяток —
Недолгий срок.
Будет летчиком отменным
Этот самый паренек.

Главным в могучей стае
Будет править на восток.
Высоко летать он станет,
Кучерявый паренек!

Кучерявый паренек,
Желтой кожи козырек!..

Ты забудешь ли, товарищ,
Наш любимец и герой,
Как лежал ты на дороге,
На дороге под горой.

Как кругом, шумя хлебами,
Длился день страды большой,
И кряхтел мужик тоскливо,
Ожидая над душой.

Мужику – оно не к спеху.
Он бы плюнул и повез

На себе свою телегу
И тащил бы тыщу верст.

Он бы вез ее дорогой,
Проклиная белый свет...

– Ну-ка, дед. Крутни немного.
Ну-ка, разом, бога нет!..

– Дай-ка, – плюнул в руку,
Взялся Моргунок.
– Ну-ка, ну-ка, ну-ка,
Ну, еще разок!..

Отскочил Никита, —
Задрожал мотор,
Нехотя, сердито
Тронулся, попер.

По мостам грохочет,
Правит паренек,
Придержаться не хочет,
Сбавить хоть чуток.

Кроет по увалам,
Только пыль хвостом...
– Малый, эй ты, малый,
Придержи, стой!

– Три версты осталось, дед.
– Дальше ехать мочи нет.
За провоз тебе спасибо.
Посоветуй лучше мне,
Где б конька какого-либо
Взять по сходственной цене?

Повернувшись на сиденье,
Смотрит тот на Моргунка:
– Нет, в колхозе и за деньги
Не купить тебе конька.

То ли делом, то ли смехом
Рассуждает паренек:
– Ну, прощай. Пора, брат, ехать.
Кто куда, а я – на ток...

Лошадь, не иначе,
В Островах найдешь.
Правда, кони – клячи,
Ну, да кони все ж...

Крой по ме́жам, это близко,
Дуй пешком, тебе видней.
Сдай телегу под расписку —
Довезу. И ма́льца с ней.

Ну, пока! Не опоздать бы...
Погоди, постой ты, дед:

Жду тебя к себе на свадьбу,
Приглашаю, бога нет!..

Глава 14

Вразброс под солнцем, как дрова,
Лежит селенье Острова.

Ни крыши целой, ни избы,
Что угол – то дыра.
И ровным счетом – три трубы
На тридцать три двора.

Встает, медлителен и глух,
Нерадостный рассвет.
На все село один петух —
И тот преклонных лет.

Поет, как вздумает певень, —
Ослабла голова.
Который час, который день,
Не знают Острова.

Который век, который год
Течет речушка Царь!
На колокольне в косу бьет
К обедне пономарь.

Кругом шумят моря хлебов,
Поля большой страны.
Худые крыши Островов
За ними чуть видны.

Солома преет у ворот.
Повалены плетни.
И курит попусту народ
На бревнышках в тени.

Строгает что-то ножиком,
Как бубен, лысый дед.
Скоблит...
– Бог помощь, граждане,
Колхозники ай нет?..

И отвечают медленно,
Недружно мужики.
Один:
– Мы – люди темные...
Другой:
– Мы индюки...

И подхватила женщина,
Припав к щеке рукой:
– Индусы называемся,
Индусы, дорогой...

– Выходит, бесколхозные, —
Вздыхнул с усмешкой дед. —
Сошлись жуки навозные,
Гудят, а кучи нет...
Косить еще успеется,
На все у бога дни...

– Ты что строгаешь?
– Дудочки.
– А для чего они?..

– А дам по дудке каждому,
И дело как-никак.
– А не кулак ты, дедушка?
– А как же не кулак!

Богатством я, брат, славился
В деревне испокон:
Скота голов четыреста
И кнут пяти сажен.

Я гостем в каждой был избе, —
Где ужин – там ночлег.
Коня?.. Чего?.. Коня тебе?
Чудак ты, человек!..

Вот все хозяева сидят.
Продай, коня, сосед...

– Продать, – оно не штука, брат,
Да вот коня-то нет.

– А хоть и есть, – вздохнул другой, —
Да конь-то больно дорогой, —
За грудь, за складку вдоль спины,
За вороную масть
Полжизни плачено. Цены
Такой никто не даст.

– А я как раз продать бы мог,
Да баба встанет поперек.
Что со слезами, что без слез
Толкует об одном:
Идти по крайности в колхоз,
Так со своим конем.

– Слыхал? – толкает Моргунка
Старик тихонько в бок. —
Эх, уступлю уж я конька,
Тому и быть, сынок.
Идем...

Старик заторопил
И Моргунка провел
В худой, без сошек и стропил,
С собачью будку, двор.

Там конь, не вскинув головы,

Стоял, как на мели.
И был он бел до синевы
И слеп, хоть глаз коли.

Толкает дед его рукой,
Глядит со стороны:
– Эх, конь! Царевой масти конь!
Ему, брат, нет цены.

И сам носился петушком:
– А? Что? Плохой конек?..
– Нет, лучше век ходить пешком.
– Ну, сам гляди, сынок.
Таков и конь, каков купец.
Соседи, чем не конь?

– Понятно, конь. Не жеребец.
– Ну, что там! Конь – огонь!..
Как побежит – земля дрожит,
Как упадет – три дня лежит,
И ни вожжа тогда, ни кнут
Ему не вставят ног...

– Да, вот как люди здесь живут, —
Причмокнул Моргунок.

– Сынок! Ты вот чего скажи, —
Опять пустился дед. —
А чем плохая наша жизнь?

По-мойму – лучше нет.

Земля в длину и в ширину —
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та – твоя.

И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.
Косить пошел – покашивай.
Поехал – поезжай...

– Живете не богато вы, —
Смутился Моргунок.
– А счастье не в богатстве.
Зачем оно, сынок?

Нам бы хлебушка кусок,
Да водицы голоток,
Да изба с потолком,
Да старуха под боком.

– Верно.
– Правильно.
– Привычка...
Вот прохожий баял тож:
Отчего ты, дескать, птичка,
Хлебных зерен не клюешь?

В том как раз и закавычка —
От природы, людям зло.
Отвечает будто птичка:
Жить, мол, в клетке тяжело.

– Кабы больше было воли,
Хочешь – здесь ты, хочешь – там...
– Кабы жалованье, что ли,
Положили мужикам.

– Кабы нам душа одна бы...
– Кабы жить нам не вразлад...
– Кабы если бы не бабы,
Бабы слушать не хотят!..

– Ты про баб молчи, пустыня,
Сами скажем про свое.
Вот хожу с грудьми пустыми
За хорошее житье.

У людей, людей – пшеничка
Наклонилась по ветру.
А у нелюдей солома
Раскидалась по двору.

У людей, людей – ребятки
День гуляют на площадке,
За столом за общим в ряд,
Как горлачики, сидят.

А мои живут на свете
Хуже сивых поросят.
Невиновны мои дети —
Ихний батька виноват!

Погляжу на ту картину,
Как сидишь ты день-деньской,
Плюну, кину-запокину,
Убегу – и черт с тобой!..

Глядит, растерян и смущен,
Никита Моргунок.
Что скажет он?
Что понял он
За долгий путь и срок?..

– Ну вот, – снял шапку Моргунок, —
Понятно – жесткий год.
Все, братцы, вдоль и поперек,
Крест-накрест все идет.

И ваша жизнь – не жизнь, друзья,
Одна тоска и боль.
Гляжу на вас: так жить нельзя.
Решаться надо, что ль...

А что касается меня,
Возьмите то в расчет:

Поскольку я лишен коня, —
Ни взад мне, ни вперед.

Осиротил меня злодей,
Под самый корень ссек.
А конь был – нет таких коней!
Не конь, а человек.

Бывало, корочку из рук,
Как со стола, возьмет.
В ночном – чуть что – затихнет вдруг,
Как спросит: кто идет?

Прилечь на землю не могу.
Ни сна, ни дремы мне.
Вот будто ходит по лугу,
Ступает в стороне.

Как будто слышу стук копыт,
Вздыхает конь живой.
Трава росяная скрипит,
И пахнет той травой...

И стихли все... И Моргунок
Вдруг смолк понуро сам,
И смятой шапкой проволока
Неспешно по глазам...

Молчит на бревнышках народ,

Все сказаны слова.
Берет старик две дудки в рот,
Чуть набок голова.

Поймали пальцы нужный лад,
И тонкий звук потек:
«Пойду, пойду в зеленый сад,
Сорву я орешок».

Поет старик об орешке,
Играет оберучь.
Висит на ветхом пояске
Мужицкий медный ключ.

Ползет рубаха с плеч долой,
На ней заплатки сплошь.
А в песне – «парень удалой,
Куда меня ведешь!..».

Ту песню про зеленый сад,
Про желтый орешок
Слыхал лет двадцать пять назад
От деда Моргунок.

– Ну, что ж, пора. Сижу я тут
Без барышей полдня.
А там телега и хомут
И сбруя у меня.

Глава 15

Из всех излюбленных работ
Любил Никита обмолот.
И где и кто молотит, – мог
Узнать по стуку Моргунок.

У богачей да у попов
Ходили в дюжину цепов.
И все цепи колотят в лад
И соблюдают счет.
И на току – что полк солдат
Под музыку пройдет.

А сам Никита Моргунок
Вдвоем с женой ходил на ток.

До ночи хлеб свой выбивал
Не разгибая рук.
И, как калека, колдыбал
Хромой унылый стук.

Но любо было Моргунку,
Повесив теплый цеп,
Сидеть и веять на току
Набитый за день хлеб.

Кидай по горсточке одной
Навстречу ветерку,
И полумесяц золотой
Ложится на току.

Кидал бы так за возом воз
До нового утра,
И полумесяц все бы рос
И рос бы, как гора...

По стуку трактора на ток
Пришел Никита Моргунок.

Дрожит под пятками земля,
Стук, ветер, вой и свист,
И наклонился у руля
Тот самый тракторист.

А пыль, а дым несет в глаза,
И все зашлось в ушах.
Ни поздороваться нельзя,
Ни подойти на шаг.

Легка солома, колос чист,
Зерно шумит, как град.
– Снимай пиджак да становись,
Чего стесняться, брат!..

– А, дай! – Разделся Моргунок,

Рогатки в руки взял,
Покрылся ношей, поволок,
Знай наших! – доказал.

– Да я ж!.. Да господи спаси,
Да боже сохрани!..
Скажи – коси, скажи – носи,
Скажи – ворочай пни!..
Да я ж не лодырь, не злодей,
Да я ж не хуже всех людей.

Как хватит, хватит Моргунок,
Как навернет рогатками...
Сопит, хрипит, до нитки взмок,
Колотье под лопатками.

Солома – валом. Спасу нет.
Но вскоре из ворот
Мужчина Моргунковых лет
На выручку идет.

Тверд на ногах, что в землю врыт,
По голосу – добряк.
«А ты вот этак, говорит,
Ты, говорит, вот так!..»

И, ношу взяв с бобыльский воз,
Он! – смотрит Моргунок —
Подсел, не крякнул и понес.

Раз! – и взмахнул на стог.

И, отряхнув с накидки ость,
Радушно говорит:

– Пойдем-ка мы отсюда, гость,
Охота покурить.

– А председатель как у вас,
Позволит он уйти?..

– А председатель я как раз,
Со мной, брат, не шути.

Держи табак. Бери, бери,
Верти своей рукой.
Устал, брат?.. Ну-ка, говори,
Откуда, кто такой?..

Издалека?

– Издалека.

От Ельни...

– В добрый час.

Сидят в тени два мужика,
Толкуют в первый раз.

Развеял ветер и унес
Махорочный дымок...

– Ну что ж, взгляни на наш колхоз,
Товарищ Моргунок.

Все разом показать готов,
Усадьба велика.
Ведет Андрей Ильич Фролов
Под ручку Моргунка.

Ведет, ведет на новый двор, —
Он светел и смолист.
И бревна старые в забор
Меж новых улеглись.

В загон к скоту идет Фролов
С Никитою вдвоем
И гладит, хвалит всех коров,
Как на дворе своем.

Любую ногу подает
Ему в конюшне конь.
Теленок зеркальце сует
В хозяйскую ладонь.

Идут вперед, идут назад,
И видит Моргунок:

Взбегает малолетний сад
Рядами на припек.

Вдоль по усадьбе до ворот
Проходит гость, глядит.
Кол вбит, – попробует, качнет:

Всерьез ли в землю вбит.

Но все – не в шутку, все – всерьез.

Для жизни – в самый прок.

Один-единственный вопрос

Имеет Моргунок:

– Я полагаю, спору нет,

Вам все ж видней, партийному:

Скажите мне, на сколько лет

Такая жизнь затеяна?..

– А вот, товарищ Моргунок,

Ударят на обед,

Прикину, подведу итог —

И дам тебе ответ.

А заодно теперь позволь

Позвать тебя на хлеб да соль.

Глава 16

– Мой дед родной – Мирон Фролов —

Нас, молодых, бодрей.

Шестнадцать пережил попов

И четырех царей.

Мы, как подлесок, все под ним
Росли один перед другим.

И, приподнявшись от земли,
Все кланялись ему.
И шли в заводы, в шахты шли,
В солдаты и в тюрьму.

Шли, заполняли белый свет —
Жить не при чем в семье.
Брели, – и где нас только нет,
Фроловых, на земле!

Живут в Москве, и под Москвой,
В Сибири от годов.
Есть машинист, есть летчик свой,
Профессор есть Фролов.

Есть агроном, есть командир,
Писатель даже есть один.

И все – один перед другим, —
Хоть на меня смотри,
Росли под дедом под своим,
В него – богатыри.

Шесть ран принес с гражданской я,
Шесть дырок, друг родной.
Когда б силенка не моя, —

Хватило бы одной.

По всем законам – инвалид,
Не плуг бы мне – костыль...
А после здесь уж был я бит,
Добро, что богатырь.

Делил луга, взимал налог
И землю нарезал.
И свято линию берег,
Что Ленин указал.

Записки мне тогда под дверь
Подсовывал Грачев:
«Земли себе сажень отмерь
И доски заготовь».

Фроловы были силачи,
Грачевы были богачи.

Грачевы – в лавку торговать,
Фроловы – сваи загонять.

Грачевы – сало под замок,
Фроловы – зубы на полок.

Мой враг до гроба и палач,
Вот в этот день и час,
Где ты на свете, Степка Грач,

И весь твой подлый класс?!

И в смертный срок мой вспомню я,
Как к милости твоей
Просить ходила мать моя
Картошек для детей;

Как побирушкой робко шла
По дворне по твоей,
Полкан Иванычем звала
Собаку у дверей...

Да я и не про то теперь...
За землю мстил Грачев.
Земли, так и писал, отмерь
И доски заготовь.

Подстерегли меня они
В ночь под успеньев день —
Грачевы, целый взвод родни
Из разных деревень.

Жилье далеко в стороне,
Ночь, ветки – по глазам.
И только палочка при мне, —
Для сына вырезал.

И первый крикнул Степка Грач:
– Стой тут. И – руки вверх!

Не лезь в карман, не будь горяч, —
Засох твой револьвер.

Сдавай бумаги, говорят,
Давай, отчитывайся, брат!

Стою. А все они с дубьем,
Я против банды слаб.
Ну, шли б втроем, ну, вчетвером,
Ну, впятером хотя б...

Лощинка, лес стоит немой,
Тишь-тишина вокруг.
Кричать? – Кричать характер мой
Не позволяет, друг.

А тени сходятся тесней,
Минута настает.
И тех, которые пьяней,
Пускают наперед.

Троих я сбил. А сзади – раз!
И полетел картуз...
И только помню, как сейчас,
За голову держусь.

Лежу лицом в сырой траве,
И звон далекий в голове.

И Грач толкает сыновей:

– Скорей! Грех, господи... Скорей!..

Да помню, точно сквозь туман,

Прощался я: «Сынок!..

Прости, что палочку сломал,

Подарок не сберег.

Прощай, сынок. Расти большой.

Живи, сынок, учись,

И стой, родной, как батька твой,

За нашу власть и жизнь!..»

Потом с полночи до утра

Я полз домой, как мог.

От той лощинки до двора

Кровавый след волок.

К крыльцу отцовскому приполз,

И не забуду я,

Как старый наш фроловский пес

Залаял на меня!

Хочу позвать: «Валет! Валет!..»

Не слушается рот.

...Ты говоришь, на сколько лет

Такая жизнь пойдет?..

Так вот даю тебе ответ

Открытый и сердечный:
Сначала только на пять лет.
– А там?..
– А там – на десять лет.
– А там?..
– А там – на двадцать лет.
– А там?..
– А там – навечно.
– И это твердо, значит?
– Да.
– Навечно, значит?
– Навсегда!..

Эх, друг родной, сказать любя,
Без толку носит черт тебя!..
Да я б на месте на твоём,
Товарищ Моргунок, —
Да отпусти меня райком —
Я б целый свет прошел пешком,
По всей Европе напрямиком,
Прополз бы я, проник тайком,
Без тропок и дорог.
И правду всю рабочий класс
С моих узнал бы слов:

Какая жизнь теперь у нас,
Как я живу, Фролов.
И где б не мог сказать речей,
Я стал бы песню петь:

«Душите, братья, палачей,
Довольно вам терпеть!»

И шел бы я, и делал я
Великие дела.
И эта проповедь моя
Людей бы в бой вела.
И если будет суждено
На баррикадах пасть,
В какой земле – мне все равно, —
За нашу б только власть.

И где б я, мертвый, ни лежал,
Товарищ Моргунок,
Родному сыну завещал:
Иди вперед, сынок.

Иди, сынок. Расти большой.
Живи, сынок, учись.
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!

Глава 17

Ходит сторож, носит грозно
Дулом книзу ружьецо.
Ночью на земле колхозной

Сторож – главное лицо.

Осторожно, однотонно
У столба отбил часы.
Ночь давно. Армяк суконный
Тяжелеет от росы.

И по звездам знает сторож, —
По приметам, как всегда, —
Тень двойная станет скоро
Проходить туда-сюда.

Молодым – любовь да счастье,
На поре невеста-дочь.
По двору Васек и Настя
Провожаются всю ночь.

Проведет он до порога:
– Ну, прощай, стучись домой.
– Нет, и я тебя немного
Провожу, хороший мой.

И доводит до окошка:
– Ну, прощай, хороший мой.
– Дай же я тебя немножко
Провожу теперь домой.

Дело близится к рассвету,
Ночь свежее – не беда!

- Дай же я тебя за это...
- Дай же я тебя тогда...

Под мостом курлычет речка,
Днем неслышная совсем.
На остывшее крылечко
Отдохнуть старик присел.

Свесил голову, как птица,
Ружьецо стоит у ног.

- Что-то, брат, и мне не спится. —
Смотрит сторож – Моргунок.
- Ну, садись. А мне привычно.
Тем и должность хороша, —
Обо всем на белом свете
Можно думать не спеша:

О земле, о бывшем божье,
О скитаниях людей,
О твоей хотя б дороге,
О Муравии твоей.

Люди, люди, человеки,
Сколько с вами маяты!
Вот и в нашей был деревне
Дед один, такой, как ты.

Посох вырезал дубовый,

Сто рублей в пиджак зашил.
В лавру, в Киев снарядился:
— Поклонюсь, покамест жив.

И стыдили, и грозили...
«Все стерплю, терпел Исус.
Может, я один в России
Верен богу остаюсь».

«Ладно. Шествуй-путешествуй, —
Говорит ему Фролов, —
А вернешься жив-здоров,
Все как есть расскажешь честно
Про святых и про попов».

И пошел паломник в лавру.
Пешим верстам долог счет.
Мы вот здесь сидим с тобою,
Говорим, а он идет...

А дорог на свете много,
Пролегли и впрямь и вкось.
Много ходит по дорогам —
И один другому рознь.

По весне в газете было, —
Может, сам слышал о том, —
Как идет к границе нашей
Человек один пешком.

Он идет, работы нету,
Без куска его семья.
На войне он окалечен,
Оконтужен, как вот я.

По лесам идет, по тропам,
По долинам древних рек.
Через всю идет Европу,
Как из плена человек.

Он идет. Поля пустые.
Редко где дымит завод.
Мы вот здесь сидим с тобою,
Говорим, а он идет...

Слухам верить не пристало,
Но и слух не всякий зряц.
Говорят, домой с канала
Волокется Степка Грач.

Он идет и тешит злобу,
Знает, с кем свести расчет,
Днями спит, идет ночами.
Вот сидим, а он идет...

А смотри-ка, друг прохожий!..
– Вижу, – вздрогнул Моргунок.
На звезду меж звезд похожий,

Плыл на запад огонек.

С ровным рокотом над ними,
Забирая ввысь, вперед,
Над дорогами земными
Правил в небе самолет.

– Высоко идет, красиво,
Хорошо, хоть песню пой!
Это тоже, братец, сила,
Тоже сторож наш ночной.

Он встает. Светло и строго
Утомленное лицо.
Где-то близко у калитки
Тихо звякнуло кольцо.

И бредет гармонь куда-то.
Только слышится едва:
«В саду мята,
Да не примята,
Да неподкошенная
Трава...»

Глава 18

Стоят столы кленовые.

Хозяйка, нагружай!
Поспела свадьба новая
Под новый урожай.

Поспела свадьба новая
Под пироги подовые,
Под свежую баранину,
Под пиво на меду,
Под золотую, раннюю
Антоновку в саду.

И над крыльцом невестиным,
Как первомайский знак,
Тревожно и торжественно
Похлопывает флаг.

Притихшая, усталая,
Заголосила старая.
Заголосила, вспомнила
Девичество бездомное,
Колечко обручальное,
Замужество печальное.

– Лети, лети, ластынька,
Лети за моря.
Прости-прощай, Настенька,
Дочушка моя.

Лети, сиротливая,

В чужие края.
Живи, будь счастливая,
Кровинка моя.

Надень бело платице,
Пройдись по избе.
А что же да не плачется,
Не горько тебе?

Поплачь, поплачь, Настенька,
Дочушка моя.
Лети, лети, ластынька,
Лети за моря.

Гармонь, гармонь, бубенчики.
– Тпру, кони! Стой, постой!..
Идет жених застенчивый
Через девичий строй.

– Эх, Настя, нас обидела,
Кого взяла – не видела:
Общипанного малого,
Кривого, куцепалого.

А что ж тебя заставило
Выйти замуж за старого,
За старого, отсталого,
Худого, полинялого?

У твоего миленочка
Худая кобыленочка.
Он не доехал до горы,
Ее заели комары.

Дверь – настежь. Гости – на порог,
Гармонь. И кто-то враз
В сенях рассыпал, как горох,
Поспешный, дробный пляс.

И вот за стол кленовый
Идут, идут Фроловы.

Идут, идут – брат в брата,
Грудь в грудь, плечо в плечо.

Седьмой, восьмой, девятый,
А там еще! Еще!..

Стоят середь избы —
Богатыри.
Дубы!

И – даром, что ли, славятся —
Идут, красой грозя,
Ударницы-красавицы —
Жестокие глаза.

А впереди – затейная

Аксюта Тимофеевна:
– Где стала я, где села я —
Со мной бригада целая.

Три раза премированный,
Идет Фролов Иван —
Лошадник патентованный,
До свадьбы чутку пьян.

Идет торжествен и суров,
Как в светлый день одет,
Ста восемнадцати годов,
Мирон Васильевич Фролов —
Белоголовый дед.

На свадьбу гостем приглашен,
Где правнуки сидят.
Сам в первый раз женился он
Сто лет тому назад.

И вот встает Андрей Фролов:
– Деды, позвольте пару слов.

Деды! В своей усадьбе
И на своей земле,
Когда, на чьей мы свадьбе
Гуляли здесь в селе?

Не в сытости, не в холе мы

Росли, и, как везде,
Шли замуж поневоле мы,
Женились – по нужде.

Деды! Своею властью
Мы здесь, семьею всей,
Справляем наше счастье
На свадьбе на своей.

За пару новобрачную,
За их любовь удачную,
За радость нашу пьем.
За то, что по-хорошему,
По-новому живем!

И свадьба дружно встала,
Сам сторож речь ведет:

– За молодых и старых,
За весь честной народ!
За дочь мою, за Настю,
И за дружка ее!
За их совет, за счастье,
За доброе житье!

А также выпить следует
За нас, за стариков,
И пусть вином заведует
Андрей Ильич Фролов.

Пускай проводит линию
Он с толком и душой:
Партийным льет по маленькой,
А нам уж – по большой.

И, видно, в меру каждому
Та линия была, —
Заговорили граждане
Про всякие дела.

– С тобой, Василий Федорыч,
Кому косить пришлось, —
Одно, Василий Федорыч:
Дух вон и лапти врозь.

С тобой, Василий Федорыч,
Запросит пить любой.
А я, Василий Федорыч,
Я ж рядом шел с тобой.

– Чистов, Прокофий Павлович,
Бобыльский бывший сын,
Не жук тебе на палочке,
А честный гражданин!

– А я стою на страже
Колхозного житья.
Кто скажет, кто докажет,

Что слабый сторож я?

А сын, читали сами,
На той границе он.
Оружьем и часами
За подвиг награжден.

Живу, горжусь сынами,
Тобой горжусь, зятек...
Постойте, пьет ли с нами
Товарищ Моргунок?..

Встает Никита над столом
И утирает бороду.
Один поклон.
Другой поклон —
На ту, на эту сторону.

– Раз надо, не стою:
Пью. Откровенно пью!..

– Пей, друг, и ешь досыта,
С людьми гуляй и пей!

– Да я ж, – кричит Никита, —
Не хуже всех людей!

– Гуляй с душой открытой,
Как гость среди гостей.

– Но конь, – кричит Никита, —
Эх, нет таких коней!

– Забудь, живи счастливо,
Не хуже кони есть!..

– Горек хлеб! Горько пиво!
Нельзя пить, нельзя есть.

– Горек мед! – кричат вокруг.
– Горько все! – деды решили.

Гармонист ударил вдруг...

– Дайте круг!

– Шире круг!

– Расступитесь!

– Шире!

Шире!

– Эх, дай на свободе
Разойтись сгоряча!..

Гармонист гармонь разводит
От плеча и до плеча.

Паренек чечетку точит,
Ходит задом наперед,
То присядет,

То подскочит,
То ладонью, между прочим,
По подметке
Попадет.
И поднесет ладонь к груди:
– Ходи, ходи!
Ходи, ходи!
Не скрывайся в хороводе,
Выходи —
И я с тобой!..

Гармонист ведет-выводит,
Помогает головой.

Выходит девочка бедовая,
Раздайся, хоровод!
Платье беленькое, новое
В два пальчика берет.

– Меня высватать хотели,
Не сумели убедить.
Не охота из артели
Даже замуж выходить.

А ты кто такой, молодчик? —
Я спрошу молодчика. —
Ты молодчик, да не летчик,
А мне надо летчика.

У колодца
Вода льется,
Подается по трубе.
Хорошо тебе живется,
Мне не хуже, чем тебе.

– Раздайся, хоровод:
Тимофеевна идет.

– Кому девки надоели,
Тот старуху подберет.

– Ничего про вас худого,
Девочки, не думала.
Отбить парня молодого
Одного надумала.

Эх, думала,
Подумала,
Веселые дела.
Дунула,
Плюнула,
Другого завела.

Бабий век —
Сорок лет.
Шестьдесят
Износу нет.
Если смерти не случится,

Проживу еще сто лет.

Эх, кума,

кума,

кума,

Я сама себе – сама.

Я сама себе обновку

Праздничную справила.

Я за двадцать лет коровку

На дворе поставила.

Дед стар,

стар,

стар, —

Заплетаться стал.

Никуда он не годится:

Целоваться перестал.

Проведу его, злодея,

Накажу кудлатого:

Восьмерых сынов имею,

Закажу девятого.

– Раздайся, хоровод:

Моргунок плясать идет.

Он сам идти не хочет,

Бабка за полу ведет.

Бабка задом отступает,

Заводило знак дает.
Батька сына вызывает,
Выступает наперед.

Вышли биться
Насовсем.
Батьке – тридцать,
Сыну – семь.

Батька – щелком,
Батька дробью,
Батька с вывертом пошел,
Сын за батькой исподлобья
Наблюдает, как большой.

Батька кругом,
Сын волчком,
Не уступает нипочем.

А батька – рядом,
Сын вокруг,
И не дается на испуг.

А батька – этак,
Сын вот так,
И не отходит ни на шаг.

И оба пляшут от души,
И оба вместе хороши,

И оба – в шутку и всерьез,
И оба дороги до слез.

И расстаются, как друзья...
Ах, надо б лучше, да нельзя!..

И вот еще не стихнул пол
Под крепкой дробью ног, —
То ль нищий, то ли гость взошел
Тихонько на порог.

На нем поповский балахон
Подрезан и подшит.
Зовет хозяйку в сени он,
Хлопочет и спешит.

Толкуют гости: кто такой?
Портной ли, коновал?..

У палисада серый конь
На привязи стоял.

Идет к гостям старуха мать,
Не поднимает глаз:

– Проезжий батюшка. Венчать
Согласен хоть сейчас.

Подсела робко к старику:

– Ругать повремени.
На яйца, говорит, могу,
Могу – на трудодни.

И вдруг без шапки на порог
Метнулся Моргунок.

С крыльца на двор простукал вниз.
Бегом, как из огня...
И, повод оборвав, повис
На шее у коня.

Глава 19

От стороны, что всех родней,
За тридевять земель,
Знакомым скрипом вдруг о ней
Напомнит журавель.

Листвой и яблоками сад
Повеет на заре,
И петухи проголосят,
Как дома на дворе.

И свет такой, и дым такой,
И запахи родны,
Лишь солнце будто бы с другой

Восходит стороны...

И едет, едет, едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон,
И сверху – облака.

Поют над полем провода,
И впереди – вдали —
Встают большие города,
Как в море корабли.

Поют над полем провода,
Понуро конь идет.
Растут хлеба. Бредут стада.
В степи дымит завод.

– Что, конь, не малый мы с тобой
По свету дали крюк?..
По той, а может, не по той
Дороге едем, друг?..

Не видно – близко ль, далеко ль,
Куда держать, чужак?
Не знаю, конь. Гадаю, конь.
Кидаю так и так...

Посмотришь там, посмотришь тут,
Что хочешь – выбирай:

Где люди веселей живут,
Тот вроде лучше край...

Кладет Никита на ладонь
Всю жизнь, тоску и боль...

– Не знаю, конь. Гадаю, конь.
И нам решаться, что ль?..
За днем – в пути – проходит ночь,
Проходит день второй...

И вот на третий день точь-в-точь
В лощинке под горой

Глядит и видит в стороне
Никита Моргунок:
Сидит старик на белом пне
С котомкою у ног.

У старика суровый вид,
Почтенные лета,
Дубовый посох шляпкой сбит,
Как ручка долота.

Сидит старик, глядит молчком...
Занятно Моргунку:
– На лавру, что ли, прямиком
Стучишь по холодку?

И дед неспешно отвечал,
На разговор тяжел:
– Как раз на лавру путь держал,
Однако не дошел.

– Тпру, конь!.. Да как случилось, дед,
Что ты бредешь назад? —
А пеший конному в ответ:
– Не то бывает, брат.

Сквозь города, сквозь села шел,
Упряма, дебели и стар,
Один, остатний богомол,
Ходок к святым местам.

И вот в пути, в дороге дед
Был помыслом смущен:
– Что ж бог! Его не то чтоб нет,
Да не у власти он.

– А не слыхал ли, старина,
Скажи ты к слову мне,
Скажи, Муравская страна
В которой стороне?..

И отвечает богомол:
– Ишь, ты шутить мастак.
Страны Муравской нету, мол.
– Как так?

– А просто так.

Была Муравская страна,
И нету таковой.
Пропала, заросла она
Травою-муравой.

В один конец,
В другой конец
Открытый путь пролег...

– Так, говоришь, в колхоз, отец? —
Вдруг молвил Моргунок.

– По мне – верней;
Тебе – видней:
По воле действуй по своей...

– Нет, что уж думать, – говорит
Печально Моргунок. —
Все сроки вышли. Конь подбит...
Не пустят на порог.

Объехал, скажут, полстраны,
К готовому пришел...
– Для интересу взять должны, —
Толкует богомол.

– А что ты думаешь, родной! —

Повеселел ездок. —
Ну, посмеются надо мной,
А смех – он людям впрок.

Зато мне все теперь видней
На тыщи верст кругом.
Одно вот – уйму трудодней
Проездил я с конем...

– Прощай пока! – поднялся дед. —
Спешу и я, сынок...

И долго, долго смотрит вслед
Никита Моргунок.

1934–1936

Василий Теркин

Книга про бойца

От автора

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда, —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б – вода.

На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой, —
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.
Важно только, чтобы повар
Был бы повар – парень свой;

Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей, —
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей;

Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.
Однако
Дело тут не только в щах.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой —

Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин – мой герой,

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сушей,

Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Что ж еще?.. И все, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.
Почему так – без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать ее сначала.

Почему же без конца?
Просто жалко молодца.

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой,

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счет.
Словом, книгу с середины
И начнем. А там пойдет.

На привале

– Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.
Суп – во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий – это точно.

Слышь, подкинь еще одну
Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладет,
Молвит несердито:

– Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.
Тот: – Спасибо. Я как раз

Не бывал во флоте.
Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте. —
И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» – бойцы между собой, —
«Свой!» – переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый.
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.

Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.

– Вам, ребята, с середины
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки – и войой.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

– Сабантуй – какой-то праздник?

Или что там – сабантуй?

– Сабантуй бывает разный,
А не знаешь – не толкуй,
Вот под первую бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался – не горюй:
Это малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.
Тот проймет тебя поглубже, —
Землю-матушку целуй.

Но имей в виду, голубчик,
Это – средний сабантуй.

Сабантуй – тебе наука,
Враг лютует – сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это – главный сабантуй.

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

– Вот ты вышел спозаранку,
Глянул – в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
– Тыща танков? Ну, брат, врешь..

– А с чего мне врать, дружище?
Рассуди – какой расчет?
– Но зачем же сразу – тыща?
– Хорошо. Пускай пятьсот.

– Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.
– Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один хотя б...

– Что ж, в газетке лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб.
Танк – он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

– То-то слеп. Лежишь в канаве,
А на сердце маята:
Вдруг как сослепу задавит, —
Ведь не видит ни черта.

Повторить согласен снова:

Что не знаешь – не толкуй.
Сабантуй – одно лишь слово —

Сабантуй!.. Но сабантуй
Может в голову ударить,
Или попросту, в башку.
Вот у нас один был парень...
Дайте, что ли, табачку.

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: – Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра.
Чуть костер дымится.

– Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке

Меж товарищей бойцов
Лег Василий Теркин.

Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша – небо, хата – ель,
Корни жмут под ребра.

Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.

Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

И приник к земле сырой,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит – хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится

Всякой ночью тяжкий сон:
Как от западной границы
Отступал к востоку он;

Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
В просоленной гимнастерке
Сотни верст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то – своя.

Спит герой, храпит – и точка.
Принимает все, как есть.
Ну, своя – так это ж точно.
Ну, война – так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впóкат,
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнется.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнется.

И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.

– Хорошо, что он попал,
Теркин, в нашу роту.

* * *

Теркин – кто же он такой?
Скажем откровенно:

Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:

Красотою наделен
Не был он отменной,

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой – героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

И не знаем почему, —
Спрашивать не стали, —
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.

– Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,

Зажило – и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды – вот он! – вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне – с места, с места – в бой.
Курит, ест и пьет со вкусом
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди,

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

Перед боем

– Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счет войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.

Как с немецкой, с той зарецкой
Стороны, как говорят,
Вслед за властью за советской,
Вслед за фронтом шел наш брат.

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.

Полям шел, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз,
Подходил к селу в потемках,
И служил ему котомкой
Боевой противогаз.

Шел он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,

Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!

И по горькой той привычке,
Как в пути велела честь,
Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.

Тетка – где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой,
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой,
Только молвит, провожая:
– Веротиться дай вам бог...

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!

Шли, однако. Шел и я...

Я дорогою постылой
Пробирался не один.
Человек нас десять было,
Был у нас и командир.

Из бойцов. Мужчина дельный,
Местность эту знал вокруг.
Я ж, как более идейный,
Был там как бы политрук.

Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.
Я одну политбеседу
Повторял:
– Не унывай.

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы – не померем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали – все вернем.

Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?

Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он все думал, думал...
– Брось ты думать, – говорю.

Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:

– По пути моя деревня.
Как ты мыслишь, политрук?

Что ответить? Как я мыслю?
Вижу, парень прячет взгляд,
Сам поник, усы обвисли.
Ну, а чем он виноват,
Что деревня по дороге,
Что душа заныла в нем?
Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты: «Зайдем...»

Встрепенулся ясный сокол,
Бросил думать, начал петь.
Впереди идет далеко,
Оторвался – не поспеть.

А пришли туда мы поздно,
И задами, коноплей,
Осторожный и серьезный,
Вел он всех к себе домой.

Вот как было с нашим братом,
Что попал домой с войны:
Заходи в родную хату,
Пробираясь вдоль стены.

Знай вперед, что толку мало
От родимого угла,

Что война и тут ступала,
Впереди тебя прошла,
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну...

Вот хозяин сел, разулся,
Руку правую – на стол,
Будто с мельницы вернулся,
С поля к ужину пришел.
Будто так, а все иначе...
– Ну, жена, топи-ка печь,
Всем довольствием горячим
Мне команду обеспечить.

Дети спят. Жена хлопочет,
В горький, грустный праздник свой,
Как ни мало этой ночи,
А и та – не ей одной.

Расторопными руками
Жарит, варит поскорей,
Полотенце с петухами
Достает, как для гостей.

Напоила, накормила,
Уложила на покой,
Да с такой заботой милой,

С доброй ласкою такой,
Словно мы иной порою
Завернули в этот дом,
Словно были мы герои,
И не малые притом.

Сам хозяин, старший воин,
Что сидел среди гостей,
Вряд ли был когда доволен
Так хозяйкою своей.

Вряд ли всей она ухваткой
Хоть когда-нибудь была,
Как при этой встрече краткой,
Так родна и так мила.

И болел он, парень честный,
Понимал, отец семьи,
На кого в плену безвестном
Покидал жену с детьми...

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждет оттуда,

Из угла.

Неловко мне.

Все товарищи уснули,
А меня не гнет ко сну.
Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну.

Взял шинель да, по присловью,
Смастерил себе постель,
Что под низ, и в изголовье,
И наверх, – и все – шинель.

Эх, суконная, казенная,
Военная шинель, —
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.

Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
Да своей рукой зашитая, —
Кому не дорога!

Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.

А убьют – так тело мертвое

Твое с другими в ряд

Той шинелкою потертою
Укроют – спи, солдат!

Спи, солдат, при жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому
Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному...

На крыльцо хозяин вышел.
Той мне ночи не забыть.

– Ты чего?
– А я дровишек
Для хозяйки нарубить.

Вот не спится человеку,
Словно дома – на войне.
Зашагал на дровосеку,
Рубит хворост при луне.

Тюк да тюк. До света рубит.
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,
Да не знает, чем помочь.

Рубит, рубит. На рассвете
Покидает дом боец.

А под свет проснулись дети,
Поглядят – пришел отец.
Поглядят – бойцы чужие,
Ружья разные, ремни.
И ребята, как большие,
Словно поняли они.

И заплакали ребята.
И подумать было тут:
Может, нынче в эту хату
Немцы с ружьями войдут...

И доньне плач тот детский
В ранний час лихого дня
С той немецкой, с той зарецкой
Стороны зовет меня.

Я б мечтал не ради славы
Перед утром боевым,
Я б желал на берег правый,
Бой пройдя, вступить живым.

И скажу я без утайки,
Приведись мне там идти,
Я хотел бы к той хозяйке
Постучаться по пути.

Попросить воды напиться —

Не затем, чтоб сесть за стол,
А затем, чтоб поклониться
Доброй женщине простой.

Про хозяина ли спросит,
«Полагаю – жив, здоров».
Взять топор, шинелку сбросить,
Нарубить хозяйке дров.

Потому – хозяин-барин
Ничего нам не сказал.
Может, нынче землю парит,
За которую стоял...

Впрочем, что там думать, братцы,
Надо немца бить спешить.
Вот и все, что Теркин вкратце
Вам имеет доложить.

Переправа

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —

Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны.
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу – будто не они,
Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:

Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Поглядеть – и впрямь – ребята!
Как, по правде, желторот,

Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи – отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы

Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока,
И кругом – чужая ночь.
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны – в ряд.
Густо было там народу —

Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно..

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо, —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудюю взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было, – жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах

И пылью лежит на лицах —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина,

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, гряда,
Где застыли их следы...

Может – так, а может – чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре – к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят – маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

– Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маята.
– Не пловец ли одиночка?
– Шутишь, брат. Вода не та!
– Да, вода... Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
– Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
– Нет, он выплыл бы в шинели,

С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, – впервой.

Подошел сержант с биноклем.
Присмотрелся: нет, живой.

– Нет, живой. Без гимнастерки.
– А не фриц? Не к нам ли в тыл?
– Нет. А может, это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

– Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
– Разрешите попытаться?
– Что пытаться!
– Братцы, – он!

И, у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой, – добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает – светло.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.

А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

– Молодец! – сказал полковник. —
Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:

– А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.

– Молодец, а будет много —
Сразу две.
– Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

О войне

– Разрешите доложить

Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

А война – про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе – это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я – не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Не велик тебе расчет
Думать в одиночку.
Бомба – дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела – грудь на грудь,
Драка – значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то, что в старину, —
Стенкою на стенку.

Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже, —
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить, —
Ясно все до точки.
Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.

Раз война – про все забудь
И пенять не вправе,
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Сколько жил – на том конец,
От хлопот свободен.
И тогда ты – тот боец,
Что для боя годен.

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь – еще живой
Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.

Пусть приврут хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

Теркин ранен

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы – дырявой,
Изувеченной земли,

На болотный лес корявый,
На кусты – снега легли.

И густой поземкой белой
Ветер поле заволок.
Вьюга в трубах обгорелых
Загудела у дорог.

И в снегах непроходимых
Эти мирные края
В эту памятную зиму
Орудийным пахли дымом,
Не людским дымком жилья.

И в лесах, на мерзлой гряде,
По землянкам без огней,
Возле танков и орудий
И простуженных коней
На войне встречали люди
Долгий счет ночей и дней.

И лихой, нещадной стужи
Не бранили, как ни зла:
Лишь бы немцу было хуже,
О себе ли речь там шла!

И желал наш добрый парень:
Пусть померзнет немец-барин,
Немец-барин не привык,

Русский стерпит – он мужик.

Шумным хлопом рукавичным,
Топотней по целине
Спозаранку день обычный
Начинался на войне.

Чуть вился дымок несмелый,
Оживал костер с трудом,
В закоптелый бак гремела
Из ведра вода со льдом.

Утомленные ночлегом,
Шли бойцы из всех берлог
Греться бегом, мыться снегом,
Снегом жестким, как песок.

А потом – гуськом по стежке,
Соблюдая свой черед,
Котелки забрав и ложки,
К кухням шел за взводом взвод.

Суп досыта, чай до пота, —
Жизнь как жизнь.
И опять война – работа:
– Становись!

* * *

Вслед за ротой на опушку
Теркин движется с катушкой,
Разворачивает снасть, —
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула.
Снег чернеет от огня.
Теркин крутит: — Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдет, —
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.

Командиру все в привычку, —
Голос в горсточку, как спичку
Трубку книзу, лег бочком,
Чтоб поземкой не задуло.
Все в порядке.
— Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,

Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завивая,
С недалекой огневой

Ахнет, ахнет полковая,
Запоет над головой.

А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.

И пойдет, пойдет на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь,
Бить, ломать и жечь в окружку.
Деревушка? – Деревушку.
Дом – так дом. Блиндаж – блиндаж.
Врешь, не высидишь – отдашь!

А еще остался кто там,
Запорошенный песком?
Погоди, встает пехота,
Дай достать тебя штыком.

Вслед за ротою стрелковой
Теркин дальше тянет провод.
Взвод – за валом огневым,
Теркин с ходу – вслед за взводом,
Топит провод, точно в воду,
Жив-здоров и невредим.

Вдруг из кустиков корявых,
Взрытых, вспаханных кругом, —
Чох! – снаряд за вспышкой ржавой.
Теркин тотчас в снег – ничком.

Вдался вглубь, лежит – не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всею спиной, всею кожей слышит,
Как снаряд в снегу шипит...

Хвост овечий – сердце бьется.
Расстается с телом дух.
«Что ж он, черт, лежит – не рвется,
Ждать мне больше недосуг».

Приподнялся – глянул косо.
Он почти у самых ног —
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним – сырой дымок.

Сколько б душ рванул на выброс
Вот такой дурак слепой

Неизвестного калибра —
С поросенка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился – смех и грех:
Все кругом лежат ребята,
Закопавшись носом в снег.

Теркин встал, такой ли ухарь,
Отряхнулся, принял вид:
– Хватит, хлопцы, землю нюхать,
Не годится, – говорит.

Сам стоит с воронкой рядом
И у хлопцев на виду,
Обратясь к тому снаряду,
Справил малую нужду...

Видит Теркин погребушку —
Не оттуда ль пушка бьет?
Передал бойцам катушку:
– Вы – вперед. А я – в обход.

С ходу двинул в дверь гранатой.
Спрыгнул вниз, пропал в дыму.
– Офицеры и солдаты,
Выходи по одному!..

Тишина. Полоска света.

Что там дальше – поглядим.
Никого, похоже, нету.
Никого. И я один.

Гул разрывов, словно в бочке,
Отдается в глубине.
Дело дрянь: другие точки
Бьют по занятой. По мне.

Бьют неплохо, спору нету,
Добрый словом помяни
Хоть за то, что погреб этот
Прочно сделали *они*.

Прочно сделали, надежно —
Тут не то что воевать,
Тут, ребята, чай пить можно,
Стенгазету выпускать.

Осмотрелся, точно в хате:
Печка теплая в углу,
Вдоль стены идут полаты,
Банки, склянки на полу.

Непривычный, непохожий
Дух обжитого жилья:
Табаку, одежи, кожи
И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну что же,
В обороне нынче – я...
На прицеле вход и выход,
Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.
И идут – один, другой...

Теркин, стой. Дыши ровнее.
Теркин, ближе подпусти.
Теркин, целься. Бей вернее,
Теркин. Сердце, не части.

Рассказать бы вам, ребята,
Хоть не верь глазам своим,
Как немецкого солдата
В двух шагах видал живым.

Подходил он в чем-то белом,
Наклонившись от огня,
И как будто дело делал:
Шел ко мне – убить меня.

В этот ровик, точно с печки,
Стал спускаться на заду...
Теркин, друг, не дай осечки.
Пропадешь, – имей в виду.

За секунду до разрыва,

Знать, хотел подать пример;
Прямо в ровик спрыгнул живо
В полушубке офицер.

И поднялся незадетый,
Цельный. Ждем за косяком.
Офицер – из пистолета,
Теркин – в мягкое – штыком.

Сам присел, присел тихонько.
Повело его легонько.
Тронул правое плечо.
Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола;
Кровь, – чужая иль своя?
Тут как даст вблизи тяжелый,
Аж подвинулась земля!

Вслед за ним другой ударил,
И темнее стало вдруг.
«Это – наши, – понял парень, —
Наши бьют, – теперь каюк».

Оглушенный тяжким гулом,
Теркин никнет головой.
Тула, Тула, что ж ты, Тула,
Тут же свой боец живой.

Он сидит за стенкой дзота,
Кровь течет, рукав набряк.
Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.

На полу в холодной яме
Неохота нипочем
Гибнуть с мокрыми ногами,
Со своим больным плечом.

Жалко жизни той, приманки,
Малость хочется пожить,
Хоть погреться на лежанке,
Хоть портянки просушить...

Теркин сник. Тоска согнула.
Тула, Тула... Что ж ты, Тула?
Тула, Тула. Это ж я...
Тула... Родина моя!..

* * *

А тем часом издалека,
Глухо, как из-под земли,
Ровный, дружный, тяжкий рокот
Надвигался, рос. С востока

Танки шли.

Низкогрудый, плоскодонный,
Отягченный сам собой,
С пушкой, в душу наведенной,
Страшен танк, идущий в бой.

А за грохотом и громом,
За броней стальной сидят,
По местам сидят, как дома,
Трое-четверо знакомых
Наших стриженных ребят.

И пускай в бою впервые,
Но ребята – свет пройди,
Ловят в щели смотровые
Кромку поля впереди.

Видят – вздыбился разбитый,
Развороченный накат.
Крепко бито. Цель накрыта.
Ну, а вдруг как там сидят!

Может быть, притих до срока
У орудия расчет?
Развернись машина боком —
Бронебойным припечет.

Или немец с автоматом,

Лезть наружу не дурак,
Там следит за нашим братом,
Выжидает. Как не так.

Двое вслед за командиром
Вниз – с гранатой – вдоль стены.
Тишина. – Углы темны...

– Хлопцы, занята квартира, —
Слышат вдруг из глубины.

Не обман, не вражьи шутки,
Голос вправдашний, родной:
– Пособите. Вот уж сутки
Точка данная за мной...

В темноте, в углу каморки,
На полу боец в крови.
Кто такой? Но смолкнул Теркин,
Как там хочешь, так зови.

Он лежит с лицом землистым,
Не моргнет, хоть глаз коли.
В самый срок его танкисты
Подобрали, повезли.

Шла машина в снежной дымке,
Ехал Теркин без дорог.
И держал его в обнимку

Хлопец – башенный стрелок.

Укрывал своей одежей,
Грел дыханьем. Не беда,
Что в глаза его, быть может,
Не увидит никогда...

Свет пройди, – нигде не сыщешь,
Не случилось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне.

О награде

– Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив еще? – Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчет медали:

Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.

И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

- Как, мол, что? – Бывало всяко.
- Трудно все же? – Как когда.
- Много раз ходил в атаку?
- Да, случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

– Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка – самый цвет.

– Нет, – сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: – Нет.
Нет, ребята. Что там орден.

Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

* * *

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.
Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Гармонь

По дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шел легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щелкал по лесу мороз,
Защемлял в пути все туже,
Подгонял, под мышки нес.

Вдруг – сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофер,
Тормозит:
– Садись, пехота,
Щеки снегом бы натер.

Далеко ль?
– На фронт обратно.

Руку вылечил.

– Понятно.

Не герой?

– Покамест нет.

– Доставай тогда кисет.

Курят, едут. Гроб – дорога.

Меж сугробами – туннель.

Чуть ли что, свернешь немного,

Кто свернул – снимай шинель.

– Хорошо – как есть лопата.

– Хорошо, а то беда.

– Хорошо – свои ребята.

– Хорошо, да как когда.

Грузовик гремит трехтонный,

Вдруг колонна впереди.

Будь ты пеший или конный,

А с машиной – стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.

Разговор – не разговор.

Наклонился над баранкой, —

Смолк шофер,

Заснул шофер.

Сколько суток полусонных,

Сколько верст в пурге слепой

На дорогах занесенных
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки —
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые – криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперед-назад,
Гусеницы и колеса
На снегу еще визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

– Вот беда: во всей колонне
Заваливающей нет гармонии,
А мороз – ни статья, ни сесть...
Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
– Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Впеременку – пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

– У кого гармонь, ребята?
– Да она-то здесь, браток... —
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

– Так сыграть бы на дорожку?
– Да сыграть – оно не вред.
– В чем же дело? Чья гармошка?
– Чья была, того, брат, нет...

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
– Командир наш был любитель...
Схоронили мы его.

– Так... – С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
– Я считал, сыграть-то можно,
Думал, что ж ее беречь.

А стрелок:
– Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое – были мы друзья.

– Да нельзя так уж нельзя.
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею,
И контузию одну.
И опять же – посудите —
Может, завтра – с места в бой...
– Знаешь что, – сказал водитель, —
Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно – гармонист.
Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив...

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело,

Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Все глядят на гармониста —
Словно что-то невдомек.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой еще народ.

Я не то еще сказал бы, —
Про себя поберегу.

Я не так еще сыграл бы, —
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это все переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.

– Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

– Отморозил парень пальцы, —
Надо помощь скорую.

– Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.

И забыто – не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому еще лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом,
До жены прийти, до дому, —
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

– Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!

И бежит шофер тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришелся ко двору?
Крикнул так, что расступились:

– Дайте мне, а то помру!..

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке

Половицы гнет в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подает за штукой штуку:
– Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощеный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому – каюк!

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...
Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места – в воду и в огонь.
Все, что может быть на свете,
Хоть бы что – гудит гармонь.
Выговаривает чисто,
До души доносит звук.
И сказали два танкиста
Гармонисту:
– Знаешь, друг...

Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежда,
И просил ты пить да пить...

Приглушил гармонь:

– Ну что же,
Очень даже может быть.

– Нам теперь стоять в ремонте.

У тебя маршрут иной.

– Это точно...

– А гармонь-то,
Знаешь что, – бери с собой.

Забирай, играй в охоту,

В этом деле ты мастак,

Весели свою пехоту.

– Что вы, хлопцы, как же так?..

– Ничего, – сказал водитель, —

Так и будет. Ничего.

Командир наш был любитель,

Это – память про него...

И с опушки отдаленной

Из-за тысячи колес

Из конца в конец колонны:
«По машинам!» – донеслось.

И опять увалы, взгорки,
Снег да елки с двух сторон...
Едет дальше Вася Теркин, —
Это был, конечно, он.

Два солдата

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит – Теркин дома,
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведет.
– Перелет! Лежи, старуха. —
Или скажет:
– Недолет...

На печи, забившись в угол,

Та следит исподтишка
С уважительным испугом
За повадкой старика,

С кем жила – не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого вдали держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы —
Точит старую пилу.

– Вот не режет, точишь, точишь,
Не берет, ну что ты хочешь!.. —
Теркин встал:
– А может, дед,
У нее развода нет?

Сам пилу берет:
– А ну-ка... —
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.
Теркин щурится:
– Ну, вот.

Поищи-ка, дед, разводку,
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть – и то отратно:
Завалившая пила
Так-то ладно, так-то складно
У него в руках прошла.

Обернулась – и готово.
– На-ко, дед, бери, смотри.
Будет резать лучше новой,
Зря инстру́мент не кори.

И хозяин виновато
У бойца берет пилу.
– Вот что значит мы, солдаты, —
Ставит бережно в углу.

А старуха:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 99,90р. (на 06.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.